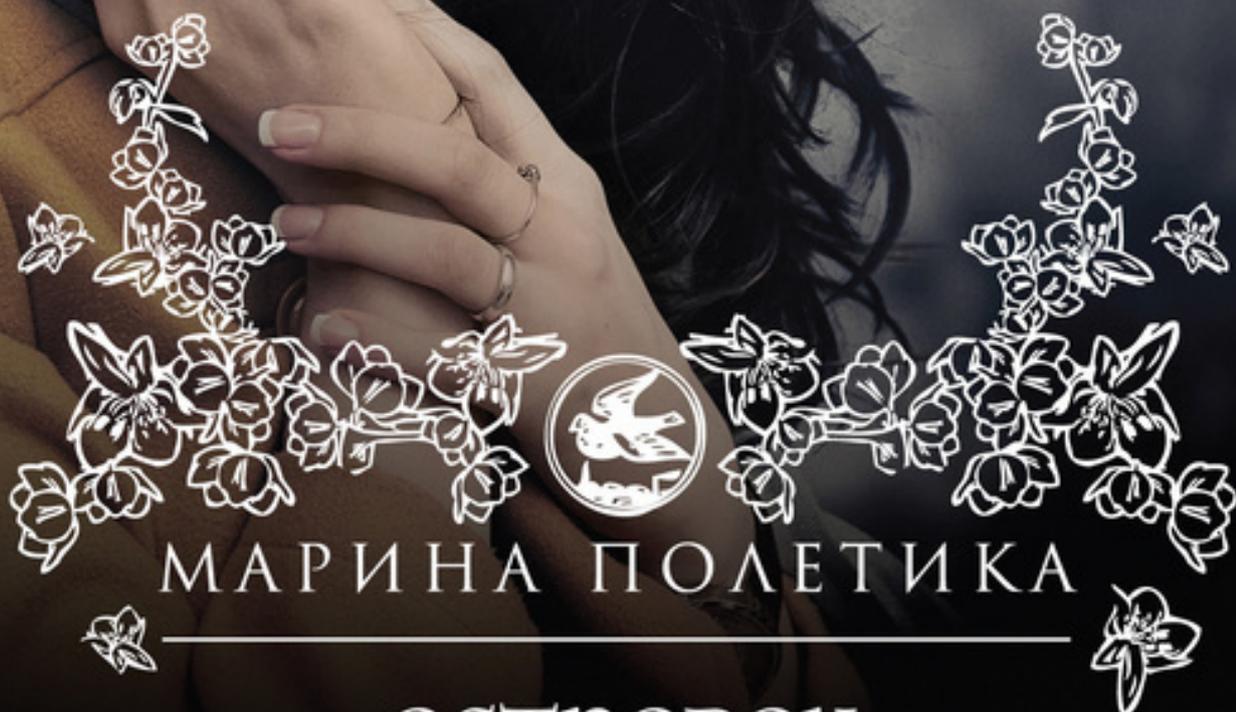

• ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА •
«СТРАСТИ ПО ОЛЕГУ РОЮ»

МАРИНА ПОЛЕТИКА

ОСТРОВOK
СЧАСТЬЯ

Марина Полетика
Островок счастья

«ЭКСМО»

2012

Полетика М.

Островок счастья / М. Полетика — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-57364-6

Театр, в котором работает Юля, заменяет ей настоящую жизнь. На сцене девушка – великолепная актриса, играющая сильных и уверенных в себе героинь. А в жизни – одинокая женщина, мечтающая о крепком мужском плече. И вот однажды в город приезжает крупный бизнесмен Павел. Он хорош собой и, главное, холост. И какой бы прекрасной актрисой Юля ни была, как бы ни умела притворяться, скрыть свои чувства к Павлу она не сможет. Только вот готова ли Юля бросить все ради такой неожиданной, но желанной любви?

ISBN 978-5-699-57364-6

© Полетика М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Первое действие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Полетика

Островок счастья

*Она была актриса,
а он – простой полярник.
И каждому понятно:
из этой маяты
обычно не выходит
ни тортик и ни пряник,
дай бог, чтоб все утихло
и не стряслось беды...*

Олег Митяев

Первое действие

Юля почти бежала по кленовой аллее, ведущей к Дворцу культуры металлургов. Встреча была назначена на шесть, а электронные часы над проходной завода показывали семнадцать пятьдесят девять. «Нехорошо опаздывать, голубушка», – пробормотала она себе под нос, очень похоже передав укоризненную интонацию директрисы Светланы Николаевны. Нехорошо, конечно, кто спорит, и сама Светлана никогда не опаздывает, она, судя по всему, просто ночует в своем кабинете. Но у Юли вообще-то отпуск, как у всех, и от него еще три дня осталось, что вдруг директрисе в голову взбрело ее вызывать? Да к тому же еще сказала, чтоб «пока никому ни слова». Странно...

Перед самым крыльцом главного входа дорогу Юле преградила огромная лужа, в которой отражалось низкое серо-синее небо и край тяжелой тучи. А в это самое небо, наглядно иллюстрируя круговорот воды в природе, плюхались тяжелые крупные капли дождя. Быстро оглянувшись по сторонам (никого), Юля в новеньких резиновых сапогах прошлепала в самую середину лужи. Несколько желтых листьев, качавшихся в луже, как маленькие корабли, всполошились и бросились от нее врассыпную. Юля не отказала себе в удовольствии покачаться с носков на пятки и постоять секунду посреди маленького моря, чтобы полюбоваться устроенным штормом. Настроение стало отличным! Что ни говори, а резиновые сапоги – замечательное изобретение, да еще на каблучке, правильно она денег не пожалела!

Она вбежала на крыльцо и посторонилась, уступая дорогу двум девушкам, выходящим из дворца.

– Ну вот, пожалуйста, – капризным голосом протянула одна. – Вчера было солнце, а сегодня дождь.

Дверь захлопнулась, девушки спустились с крыльца, брезгливо обходя лужу, а Юля осталась стоять, держа в руках полузакрытый зонт.

– Ну вот, пожалуйста – стоило трястись по гадкой дороге из Петербурга! Вчера было солнце, извольте видеть, а сегодня дождь, – с той же капризной интонацией повторил незнакомый женский голос. – И именно тогда, когда начинаться фейерверку. Послушайте, это правда, что весь гвардейский корпус внес сообща семьдесят тысяч рублей на фейерверки?

– Увы, да, – ответил мужской, грубоватый, будто простуженный или охрипший. – И чуть не каждый вечер дождь, как нарочно. В это лето у нас маневры на воде, а не на суше.

И тут же несколько голосов заговорили все вместе, перебивая друг друга.

– Значит, впереди еще один вечер, когда мы будем умирать со скуки. У нас на Островах из-за ваших маневров тишина мертвая, одни говорильные вечера. В понедельник был такой у графини Лаваль...

– Где мы едва не отдали богу душу со скуки!

– Да, а сегодня должны были ехать к Сухозанетам...

– Где было бы то же самое!

– Но так как мы особы благоразумные, мы нашли, что не стоит слишком злоупотреблять подобными удовольствиями, мы предпочли вас, сбежали в Павловское. И что же? Дождь!

– Небеса должны устыдиться, бросая тень недовольства на ваше лицо! – Это голос другого мужчины, явно моложе первого.

И голоса разом смолкли, как будто он сказал что-то неподобающее. Повисла напряженная пауза. Юля стояла, боясь пошевелиться.

– Девушка, вы заходите или нет? Ой, Юлечка, извините, я вас не узнала! – Вера Семеновна, библиотекарь, вопросительно заглядывала Юле в лицо.

– Да, конечно, извините, Верочка Семеновна, – смутилась Юля, с трудом открывая высокую тяжелую дверь. – Задумалась посреди дороги.

– Хорошо, что встретились, – заулыбалась старушка, поспешно прошмыгивая внутрь, как будто боялась, что ее собеседница может не удержать дверь. – Юлечка, вы зайдите ко мне потом, я вам список книг подобрала, которые вас непременно должны заинтересовать. У нас их нет, конечно, но теперь все можно по Интернету в областной библиотеке запросить, они пришлют. Очень удобная и современная вещь. Я буду рада вам помочь.

– Спасибо! Обязательно зайду! – покивала Юля и помчалась со всех ног через все фойе к лестнице на второй этаж, где располагался кабинет Тарасовой.

Пристроив на лицо подобающее случаю виноватое выражение, Юля постучалась в дверь с табличкой «Директор театра», вошла, услышав резкое «Да!».

Но ожидаемой выволочки за опоздание не последовало. Светлана Николаевна сидела в своем крошечном кабинетике, отчасти похожем на стоящий торцом школьный пенал (площадь шесть метров, высота потолков – дворцовая, четыре с чем-то), куталась в шаль, потому что отопление еще и не думали включать, курила и задумчиво рассматривала афиши, которыми, как обоями, были оклеены стены метра на три вверх – последние по времени, очевидно, пришлось клеить со стремянки. Впрочем, может быть, она просто любовалась легкими загогулинами дыма, которые, поднимаясь вверх, постепенно истаивали и исчезали. Пепельница перед ней была полна окурков, из чего Юля сделала обоснованный вывод: случилось что-то нехорошее. В хорошие времена курить в кабинете директора, как, впрочем, и во всех других помещениях дворца, категорически запрещалось под угрозой всяческих санкций. И в хорошие, спокойные времена все дисциплинированно курили в «специально отведенных местах», отдыхая и сплетничая. В местах неотведенных курили за полночь, когда во дворце было пусто и страшновато и когда наябедничать дворцовому начальству никто не мог. А по ночам, понятное дело, сидели не от хорошей жизни: или к сроку не успевали, или не ладилось что-то.

Но сейчас, Юля виновато глянула на часы, пять минут седьмого. Она молча пристроила мокрый зонт на свободный пяточок в углу, пробралась к столу и уселась в свободное, оно же единственное, кресло. Тарасова раздавила окурков в пепельнице, подняла глаза на Юлю и, нездороваясь, сообщила:

– Беда у нас.

– Кто? – мгновенно испугавшись и предположив самое худшее, спросила Юля. – Василий Ильич? Или...

– Да нет, с Дружининым, слава богу, все в порядке. А вот мы все в... – И Тарасова одним словом исчерпывающе охарактеризовала местоположение, в котором, по ее мнению, пребывал на сегодняшний день вверенный ей трудовой коллектив.

– Выгоняют?! – ахнула Юля. – Так мы же аренду до октября проплатили?

– Пока молчат. – Тарасова достала из пачки новую сигарету, долго возилась с зажигалкой.

Она не дразнила Юлю и не собиралась играть с ней в угадайку. Просто не хотела произносить то, что должна была, как будто боялась, что сказанное вслух станет окончательно неправым. Юля, кажется, это поняла, поэтому тоже молчала.

– Виктор Иванович уехал. Насовсем. В Екатеринбург. Подписал там контракт, мне – заявление на стол и уехал.

– Ой... – у Юли вытянулось лицо. – А как же...

Виктор Иванович Удальцов был бессменным главным режиссером театра на протяжении последних пятнадцати лет. Он был крепким профессионалом и к тому же уверенно держал в узде вздорный театральный народец, не допуская склок и интриг. Благодаря ему театр провинциального Надеждинска уже много лет считался лучшим областным коллективом, получал премии и положительные рецензии и регулярно выезжал на гастроли в областной центр. Большинство молодых актеров труппы, как и сама Юля, считали себя его учениками. За глаза все непочтительно звали его «папа Витя». В общем, они и жили одной семьей, где, конечно, всякое бывает, но в целом все поколения уживаются мирно и в будущее смотрят с оптимизмом. Теперь, получается, глава семьи решил начать новую жизнь.

– Это еще не все, Юля. – Тарасова разломала на кусочки так и не зажженную новую сигарету. – Он мужиков с собой забрал. Всех. И сказал мне об этом только сегодня. Так что остались у нас теперь Петя и Юра твой. Как в песне поется, «к сожаленью, на десять девчонок...» Только у нас получается на десять девчонок всего двое ребят. У Пети молоко на губах не обсохло, а Юра твой если и просыхает, то ненадолго.

– Он и пьяный играет лучше иного трезвого... – проворчала Юля, как будто это имело хоть какое-то значение в сложившейся ситуации. И только тогда осознала весь ужас произошедшего. – А как же мы работать будем?!

– Дошло, – невесело усмехнулась Тарасова. – Работать... Ложиться и помирать! Нам даже сезон открывать нечем. Поняла наконец? Все до единого спектакли вылетают.

Юля лихорадочно соображала. И в самом деле... Если в спектаклях не играл сам Удальцов, его заменял Ваня Казанцев. Коля Иванников и Олег Сеницын, ее однокурсники, тащили на себе весь репертуар, и заменить их всех было нечем. Не говоря уже о Максиме Рудакове – актер он был, честно сказать, средненький, но зато красавец и плейбой, первый парень на деревне, несбыточная мечта всех городских старшекласниц, незаменимый исполнитель ролей сказочных принцев для зрительниц всех возрастов.

– Так у Макса жена беременная... Он ее в Екатеринбург забрал, что ли? – некстати спросила Юля.

– Откуда я знаю? – отмахнулась Тарасова. – Забрал не забрал... Тебе что за дело? Как будто она без него не родит. В этом деле как раз без мужиков вполне можно обойтись. По крайней мере, на завершающем этапе. А нам что делать прикажешь? Через две недели – открытие сезона. Нам открываться нечем! В понедельник сбор труппы. Что мы им скажем?

– А почему «мы»? – осторожно поинтересовалась Юля. – То есть я, конечно, понимаю...

– Что ты понимаешь? – устало спросила Тарасова.

Поскольку Юля на самом деле ничего не понимала и не имела ни малейшего представления, зачем Тарасова вызвала ее сегодня, огорошила плохими новостями и почему разговаривает с ней отдельно от остальных. Что она хочет от нее услышать?

– Я хочу, чтобы ты поставила спектакль на открытие сезона, – ответила на незаданный вопрос Тарасова. – Подожди! Не кричи «почему я», «с чего вы взяли» и «у меня не получится». Всё или я что-то забыла?

– Всё... – выдавила из себя Юля. И тут же спросила: – А почему я?

– Тебе сколько лет? – неожиданно поинтересовалась Тарасова.

– Тридцать... шесть, – с запинкой доложила Юля, едва вспомнив от неожиданности.

– Самое время начинать делать что-то новое. Понимаешь, потом поздно будет начинать – зад станет тяжелым. Неподъемным, – серьезно объяснила директор. – Уж поверь мне, старухе, по себе знаю.

«Старухе», – хмыкнула про себя Юля. Попробовал бы Светлане кто-нибудь другой напомнить о ее возрасте. Уж она за словом в карман никогда не лезла.

– Надо соглашаться, пока предлагают. А то потом предлагать перестанут, – продолжала Тарасова, выпуская очередное затейливое облачко дыма, но смотрела уже не на него, а на Юлю, внимательно и требовательно. – Когда ты ставила «капустник» на закрытие сезона, я за тобой наблюдала – у тебя есть режиссерские задатки. Конечно, ты ни черта не умеешь, это естественно. Но чувствуешь. Это в нашем деле немаловажно. А самое главное – выхода другого у нас нет. Или ты, или никто. Ты и сама понимаешь. Понимаешь? Юля, ау!

– Я... да... – пробормотала Юля, просто чтобы что-то сказать. – Что же я поставлю за две недели, Светлана Николаевна?!

– То есть вообще-то ты согласна, – с удовольствием констатировала Тарасова, аккуратно пристраивая в пепельницу окурки. – Вот и отлично. А ставить будешь тот самый «капустник», больше действительно ни на что времени нет. Неделю еще я тебе, так и быть, дам, откроемся позже, ничего страшного. Декорации сделаем минимальные, на подборе. Спектакль-концерт. Можем задействовать другие коллективы Дворца – оркестр или ансамбль бальных танцев. Канва у тебя есть, пару ночей посидишь, переделаешь. Придумай общую идею – ну, что-то про любовь, например. Сбор труппы в понедельник. Сразу их и обрадуем. А сейчас иди домой и начинай работать. Если надо будет – я помогу.

Директриса помахала в воздухе рукой, то ли разгоняя дым, то ли прощаясь с Юлей. Та послушно встала и пошла к выходу. Она была слишком озадачена, чтобы продолжать разговор, сперва надо было собраться с мыслями и все спокойно обдумать... Но на пороге все же остановилась и задала вопрос, с которым не хотела оставаться наедине:

– Светлана Николаевна... Как же так? Как он мог с нами так поступить? Бросить? Да еще и ребят забрать?

Тарасова усмехнулась и пожала плечами:

– Ты когда с мужем разводилась, он тоже все говорил, что ты его бросила. Плакал тут у меня, повторял: как она могла, как она могла...

– Это другое, – тихо возразила Юля.

– Это то же самое. Там – семья, и тут – семья. Юра считал, что ты с ним навсегда. А ты устала его на себе тянуть. Решила, что одной тебе легче. Я тебя не осуждаю, Юля, и ты ведь себя ни в чем не винишь, так? Он взрослый человек и должен сам выстраивать свою жизнь. И Виктор тоже имеет право на свою жизнь, от нас отдельную. Он вас выучил, в люди вывел, профессии научил... как смог. Там ему хороший театр предложили, с перспективой. Жилье дадут. Что ж ему было отказываться? Ребята тоже имеют право, раз уж выпал такой шанс. Там телевидение, киностудия. Реклама, будь она неладна... Тебя позвали бы – ты бы что, не уехала? Человек ищет свой потолок, это нормально... пока башкой не треснется. Поживем – увидим, – заключила Тарасова и сменила тему: – Как у тебя сын? Закончил нынче? И что?

– Нет, в одиннадцатый перешел. Вымахал за лето – метр восемьдесят! – погордилась Юля, моментально расплывшись в улыбке.

– И что, до сих пор в артисты собирается или поумнел? – хмыкнула директриса.

– Ой, не знаю! Пока замолчал вроде. Боже упаси! Может, передумает за год, – завздыхала Юля.

– А Серега ведь способный у вас. В родителей, – грустно заметила Светлана Николаевна и опять махнула рукой, иди, мол.

Юля вышла из кабинетика, осторожно прикрыв за собой дверь, медленно прошла по пустому гулкому фойе, вышла на крыльцо. Уже стемнело, погасли клены, и сразу стало

холодно, неприютно, тоскливо. Дождь кончился, и мокрый асфальт масляно блестел в свете фонарей. Юлия осторожно, неуверенными старушечьими шагами спустилась с крыльца, задумчиво постояла на берегу огромной лужи с листьями-корабликами... И медленно побрела в обход.

...Второе лицо понравилось Саше куда больше первого, а вот третье разочаровало. Девушка-осень непременно должна была получиться, просто в прошлый раз она неправильно подобрала оттенки – лишнее доказательство того, что всегда надо думать своей головой, а не следовать тупо чьим-то инструкциям. Тени нужно положить более легкие, цвет волос будет темно-рыжим, оттенка меди. Или, пожалуй, нет... Она опять взяла в руку карандаш и задумалась, прежде чем нанести первый легкий штрих.

Саша привыкла всегда добиваться задуманного и не жалела на это времени. И еще она умела ставить перед собой цель – настоящую, осмысленную, рассчитанную на собственные силы. Если считать, что все дети от рождения талантливы, то Сашиним талантом была целеустремленность. Например, она с детства хотела быть актрисой – и никто не сомневался, что именно так оно и будет.

– Артистка! – наперебой хвалили маленькую Сашу родственники и знакомые Королевых, когда она, взгромоздившись, как положено, на табуретку, «с выражением» читала стихи. – Вся в маму!

– Артистка! – восхищались учителя, когда Саша Королева блистала в школьной самодеятельности. – Вырастет – будет в театре работать, как мать.

– Артистка! Ей что, мамочка поступить поможет, – завистливо фыркали одноклассницы, когда девушка на выпускном пела, аккомпанируя себе на гитаре, а потом танцевала испанский танец: казалось, что потолок в давно не отремонтированном школьном актовом зале не выдержит оглушительных аплодисментов и посыплется дождем штукатурки на головы восхищенных зрителей.

– Ну что ж, конечно, большого таланта нет, – сказал председатель приемной комиссии театрального института, когда Саша со скрипом дошла до третьего тура. – Но способности есть, да и мать хлопотала. В конце концов, коллеги, своим детям отказывать мы не имеем морального права: они знают, на что идут. К тому же с такой внешностью, если и не станет настоящей актрисой, будет сниматься в кино (мэтр считал театр единственно достойным занятием, а современное кино, как вещь малопочтенную для настоящего профессионала, называл прибежищем выскочек).

Ничего этого, Саша, к счастью, не слышала, о том, что за нее хлопотала мама, заслуженная артистка, ведущая актриса Надеждинского театра драмы, тоже не знала, поэтому поступление восприняла как нечто само собой разумеющееся. Училась неплохо, звезд с неба не хватало. Но зато к пятому курсу расцвела и похорошела невероятно: к безупречной внешности и отличной фигуре добавились прекрасные манеры, умение подать себя, подчеркнув преимущества и обыграв недостатки (о нет, их почти и не было!), и тот внутренний свет, который отличает только выпускников театрального института, готовых шагнуть в великолепный мир под названием «театр».

Впрочем, Саша Королева, выросшая за кулисами театра, особых иллюзий не питала. Но этот ликующий, трепетный внутренний порыв, как будто освещающий ее изнутри и придающий порывистую, почти полетную легкость движениям, она научилась при необходимости включать, словно лампочку. И выключать, когда такой необходимости не было. Саша была неглупа и меньше всего на свете хотела быть похожей на экзальтированную провинциальную актрису.

После института она пришла работать в тот самый театр, в котором выросла, на сцене которого сыграла свои первые детские роли. И самое главное – в котором работала ее мама, Марианна Сергеевна Королева. Разумеется, у Саши были возможности остаться в большом

городе и много лет пробавляться маленькими ролями в большой труппе, но это ее не устраивало, она видела себя только на главных ролях.

Как ни странно, театр, извечная суть которого игра, – вещь честная и жестокая. Если попасть в него по протекции еще можно, то выжить там по блату, как в любой другой обычной конторе, нет ни малейшей возможности. Конечно, Саша это понимала, и мама давно уже объяснила ей, что даже ее ослепительной внешности будет недостаточно для того, чтобы стать первой (а второй Саша быть не хотела – разве что только после мамы!).

И ей на помощь как раз и пришел ее настоящий талант, который до тех пор был недооценен окружающими, – целеустремленность. Саша репетировала вместе со всеми и потом отдельно дома, с мамой. Она ходила в нелюбимый ею бассейн и на фитнес – чтобы фигура была идеальной. Она никогда не позволяла себе ни малейших послаблений в уходе за внешностью: маникюр, прическа, легкий загар, незаметный макияж – иной ее никто никогда не видел, и никакие отговорки насчет «некогда» и «устала» ею самой не принимались. Она учила английский и читала все книги, о которых говорили в Интернете, потому что понимала: замкнутость в беличьем колесе профессии неизбежно проявится беличьим выражением в глазах. А у Саши были глаза и внешность Мадонны. Нет, не той пожилой дамы в сетчатых колготках, что скачет на эстрадных подмостках вдогонку своей молодости, а на ту, что веками воспевали поэты и художники.

Самоотдачей Королевой восхищались даже завистники, в которые смело можно было записать большую часть представительниц прекрасного пола в Шашином окружении. Но никто на свете, кроме матери, не знал главной Шашиной тайны: профессия актрисы была для нее не целью, а средством. И настоящей цели она еще собиралась достичь...

Раздался требовательный звонок в дверь. Саша от неожиданности уронила карандаш. Наклонилась, подняла, посидела, выжидая, не передумает ли незваный визитер и не оставит ли ее в покое. Но звонок повторился, нетерпеливо и назойливо. Вздохнув, Саша отправилась открывать.

– Мама? – удивилась она, подставляя щеку для поцелуя. – Что-то случилось? Ты бы позвонила...

– Случилось! Такое случилось, что по телефону не расскажешь! – Запыхавшись от быстрого подъема по лестнице, Марианна Сергеевна с трудом переводила дыхание, но сделать паузу не могла, желание немедленно поделиться сенсационной информацией требовало немедленного выхода наружу.

Сбросив в прихожей туфли, она пробежала в комнату и упала на диван, такой низкий и мягкий, что Марианна Сергеевна немедленно в нем утонула.

– Фу-у! Бегом бегу всю дорогу, представляешь? Что люди подумали? – она с любопытством огляделась и увидела, что возле туалетного столика горят, как в гримерке, две лампы и стоит множество открытых баночек и коробочек. – А ты чего, опять лицо себе рисуешь? И какое на этот раз? Ой, дурочка ты, Сашка! Это моделям, у которых своя морда никакая, можно что угодно на лице нарисовать – хоть вамп, хоть наив, – а у тебя такая внешность, что с ней ничего не поделаешь.

– Мама, я хочу быть разной. Мне интересно, – отмахнулась Саша. – Ты же не для этого пришла? Давай уже, рассказывай! У тебя платье новое? Где купила?

– Привезли, – отмахнулась мать, взглянув, однако, в большое зеркало от пола до потолка, в котором отражалось полкомнаты и, разумеется, она сама в новом платье с модным этническим рисунком. – Наплевать на него! Мне позвонила Ольга из областного театра, ну, моя однокурсница, помнишь? Так вот, как ты думаешь, кто у них в новом сезоне будет очередным?

– Кто? – разочарованно переспросила Саша, которой не было решительно никакого дела до кадровых перестановок в областном театре. – Олег Табаков? Константин Райкин?

– Ха! Если бы! Витя Удальцов! Наш Витечка! – выпалила мать и торжествующе откинулась на диванные подушки, с удовольствием наблюдая, как меняется выражение лица дочери по мере того, как до нее доходил смысл услышанного.

– Виктор Иванович? Уехал? – изумилась Саша. – Погоди... а мы как же?

– Так это еще полдела! – Марианна Сергеевна наслаждалась произведенным эффектом так, как будто в поспешном отъезде главрежа была ее личная заслуга – хотя, видит бог, они неплохо ладили. – Он мужиков увез! Всех! И Макса, и Ивана, и Колю с Олегом!

– Вот это да... – Саша опустила на стул и покрутила головой. – А чем сезон открывать будем?

– А это нашего папу Витю не волнует! – всплеснула руками мать, так что широкие рукава платья сползли к плечам, открыв безупречно красивые руки. – Хотя мы и вовсе закройся – какое будет облегчение для городского бюджета! Да ладно, придумается что-нибудь. Света осталась, Юрка Батраков остался, Петька наш, соберемся на днях, поговорим. Не может быть, чтоб выхода не было – всегда находился. Ты про главное спроси, Александра!

– Про главное? – непонимающе переспросила Саша.

– Ой, да ну тебя! Витя уехал. Ты что, не поняла?

– Поняла...

– Ни черта ты не поняла! – рассердилась мать. – Татьяна-то осталась! Он ее, видите ли, потом заберет, когда с квартирой решит. Как же, черта с два! Это мужики в любом театре всегда нужны, а героинь там и своих хватает, тем более которые в возрасте, а все норвят девочек играть! Съедят ее там в два счета и костей не выплюнут! Витька-то это понимает, а Татьяна – нет. Романтическая, видите ли, натура! Тьфу! Сашк, у тебя кофе есть? Настоящий, не из баночки? А то я никак не успокоюсь...

Саша отправилась на кухню. Включила кофеварку и присела к столу, оценивая ситуацию. Теперь волнение матери стало ей понятно. Актриса театра Таня Родионова была женой скоропостижно уехавшего Виктора Ивановича, а по совместительству – первой трепетной любовью Пети Королева, брата Александры. Петя влюбился в нее, еще когда учился в десятом классе, и с тех пор ради прекрасной дамы успел совершить немало милых глупостей, которые полагаются совершать влюбленным и над которыми беззлобно посмеиваются окружающие. Таня была старше его на семь лет и, надо отдать ей должное, к настойчивому и смешному Петину вниманию относилась терпеливо и с юмором: она старалась не обижать парня, но и не давала ему ни малейшего повода заподозрить ее в ответном чувстве. Такой баланс всех почти устраивал, и до поры до времени Марианна Сергеевна с мужем на это закрывали глаза, пока Петька не совершил очередную глупость, оказавшуюся довольно-таки серьезной: отказался поступать в юридический.

Отец Петра и Александры, Олег Леонтьевич Королев, много лет занимал должность председателя городского суда и, стало быть, был представителем местной элиты. Жена и дочь, красавицы-актрисы, тоже достойно представляли надеждинский бомонд. Сын должен был пойти по стопам отца, поступить в юридический и под его крылом сделать первые шаги в будущей и, несомненно, успешной карьере. Но Петя наотрез отказался уезжать из города, ведь это означало разлуку с любимой. Отец поставил оболтусу ультиматум: или поступаешь, или убирайся на все четыре... Петя, недослушав, в чем был, вылетел из дома и несколько дней жил у приятеля, не пропуская ни одного спектакля с участием Тани и каждый раз преподнося ей одну розу. Дарить букеты он считал пошлым, и к тому же это было ему не карману. По городу пошли сплетни: богатые тоже плачут, слышали, у Королевых-то сынок?..

Тогда в игру вступила Марианна Сергеевна. Она поговорила с мужем и пообещала сыну, что если он поступит хотя бы на заочное и устроится на работу, ну, к примеру, секретарем судебных заседаний (и опыт, и практика), то они с отцом закроют глаза на его глупое поведение.

В юридический Петя поступил и учился вполне сносно, но работать в суде категорически отказался и упросил Удальцова взять его в театр монтировщиком декораций. Удальцов согласился и даже, к величайшему Петину восторгу, дал ему несколько маленьких ролей – сперва в детских, а потом и в вечерних спектаклях. Таким образом, Петя вплотную приблизился к своему божеству.

С тех пор прошло два года. В начале прошлого сезона Петю взяли в труппу, а в остальном все осталось по-прежнему. Марианна Сергеевна уже начала всерьез опасаться, что первая любовь, обычно проходящая, как ветрянка, и к тому же оставляющая иммунитет на будущее, у сына затянулась, будто противный хронический бронхит, угрожающий перейти в астму (Петины бабушка и дедушка были врачами). И даже тот вопиющий факт, что у Тани и Виктора Ивановича прошлым летом родилась дочь, никак не повлиял на Петины романтические чувства. Однако Таня по-прежнему вела себя безупречно, и Марианне Сергеевне приходилось ограничиваться слабо выраженной неприязнью, учитывая наличие у той супруга-главрежа.

Но теперь, когда Удальцов уехал, а Таня осталась, с трудом достигнутый баланс нарушался, поняла Александра. Бог знает, что могло взбрести в голову этому мальчишке! Отец, так и не примирившийся с положением дел, возможного развития событий не переживет. Да и мама... Когда Саша вернулась в комнату с подносом, по выражению ее лица Марианна Сергеевна поняла, что ее умница-дочь наконец правильно проанализировала ситуацию. Поэтому, сделав первый глоток, спросила без предисловий:

– Ну-с, что будем делать, Александра?

Это вошло уже в привычку: первое, что он делал, входя в квартиру, – отодвигал в сторону тяжелые портьеры и открывал окно, летом – нараспашку, зимой – хотя бы чуть-чуть. Вероника Гавриловна, которая уже несколько лет совмещала в его доме функции домоправительницы и домомучительницы, в его отсутствие окна непременно наглухо запирала, а портьеры тщательно задерживала. Учитывая, что хозяин бывал дома нечасто, в квартире становилось темно и душно, как в склепе, и запах был... нежилой. Спорить с Вероникой Гавриловной, как показывала практика, было бесполезно, поскольку за порядок в доме отвечала она, а она понимала порядок именно так. Павел и не спорил. Просто приходил домой – и открывал окно, впуская в дом свет, запах моря и крики чаек.

Конец августа в этом году был удивительно теплым и солнечным, природа как будто извинялась за серое и дождливое лето. Поэтому Павел рванул в стороны портьеры, как занавес, распахнул окно... и привычно замер, в сотый раз захваченный знакомой и каждый раз новой, полной жизни и движения, сценой: синий простор воды с едва видимым вдали, у самого горизонта, берегом, огромное, торжествующее небо, кажущиеся крошечными кораблики, трудолюбиво снующие туда-сюда. Иногда простор, как занавесь из тонкого прозрачного тюля, накрывала серая пелена мелкого дождя, иногда солнце разбрасывало по воде тысячи зайчиков, слепивших глаза. А иногда, как сегодня, со стороны залива на город шла огромная черно-синяя туча, грозившая всевозможными неприятностями – и над Петергофом уже виднелась полоса дождя. Но одно было неизменно: в эти моменты он, Павел, оставался наедине с этой громадой воды и неба, не было ни огромного города, ни людей – только он и море.

Он специально выбирал квартиру: дом на улице Кораблестроителей, двадцать первый этаж, с видом на Финский залив, панорамное остекление – детская мечта мальчика с пыльной, звенящей трамваями сухопутной Лиговки. Остальное он отдал на откуп дизайнера и потом долго удивлялся тому, какими странными путями идет порой развитие дизайнерской мысли. Например, в квартире было много зеркал, в которые нельзя было посмотреться: они висели какими-то прихотливыми фрагментами, то узкими, то пошире, и любовались друг на друга. Павел им не мешал, ему хватало зеркала в ванной, перед которым он брился, и в гардеробной, где одевался, собираясь на работу. Еще, к примеру, в гостиной стояли белые стулья со странно растопыренными ножками, о которые больно ушибались все, кто проходил мимо босиком.

Павлу всегда казалось, что стулья нарочно подставляют свои тоненькие стальные ножки и тихо хихикают, слушая комментарии пострадавших. Впрочем, босиком по своей квартире ходил только он сам... ну, и разве что пару раз случайные знакомые. Поэтому большую часть времени пакостливые стулья скучали в одиночестве; Павел периодически собирался их выбросить и купить взамен что-нибудь нормальное, да тут же забывал об этом.

– Была бы жена, она бы позаботилась, – ворчала Вероника Гавриловна, изредка совпадая с Павлом в пространстве и времени (обычно к его позднему приходу все было прибрано, еда приготовлена, а Вероника Гавриловна занималась у себя дома воспитанием мужа и внуков). – В такой квартире одному жить – от скуки помрешь...

– Да когда мне скучать, Вероника Гавриловна? – смеялся Павел. – Я, если не работаю, то сплю, да и то по большей части в гостиницах. Какая жена это потерпит?

– А вот есть у меня одна знакомая, у нее дочка, очень милая девочка, воспитанная... – начинала было Вероника Гавриловна, но, поскольку этот вопрос напрямую к порядку в доме не относился, Павел серьезно заверял сваху, что у него есть любовницы во всех городах, где он часто бывает в командировках, некоторые даже с детьми, и Вероника Гавриловна, поджав губы, замолкала до следующего раза.

Рассмотрев в бинокль два огромных парома (один из Швеции, другой из Эстонии), пришвартованных у морского вокзала, Павел наконец оторвался от окна и вернулся в комнату. Взгляд его упал на небольшую прозрачную коробочку, которую он только что принес и второпях пристроил на журнальный столик. Хмыкнув, Павел подумал, что, пожалуй, это самый удивительный в его жизни подарок: копеечный сувенир, которому предназначена такая... нет, даже не роль, а миссия! Он осторожно взял в руку коробочку и обвел глазами огромную комнату, по которой можно было кататься на велосипеде. Куда бы пристроить эту малявку, чтобы не потерять? Ведь отныне ему надлежало рассматривать подарок как можно чаще и думать о своей, Павла Мордвинова, роли в истории современной России – во всяком случае, именно так час назад сформулировал свои настоятельные пожелания дядя, Павел Владимирович. Ох, и непросто дядя, покрутил головой Павел и пристроил коробочку перед плазменной панелью размером с экран в небольшом кинотеатре. Включит при случае телевизор, а тут, пожалуйста, – дядюшкина памятка. Кто теперь скажет, что он – не почтительный племянник?

Покончив с этим важным делом, Павел, довольный собой и открывшимися перспективами, пританцовывая, отправился на кухню поинтересоваться, чем порадовала его Вероника Гавриловна в смысле ужина. Поесть – и спать, утро вечера мудренее, тем более если с завтрашнего утра предстоит начать новый этап жизни. «Я подумаю об этом завтра», – кажется, так говорила героиня романа, который очень любит его мама.

Сбор труппы в начале нового сезона – это первое сентября для взрослых: шум, суета, поцелуи-расспросы, рассказы «как я провел лето», радость встречи с вынужденными единомышленниками, слегка омраченная близкой перспективой трудовых будней и предчувствием непереносимых конфликтов. Для актрисы и по совместительству директора театра Светланы Николаевны Тарасовой этот сбор труппы был... дай бог памяти... тридцать девятым по счету, поэтому она сидела с краешка третьего ряда и без особого трепета наблюдала традиционный ритуал. Хотя, пожалуй, нет, на этот раз все было не так, как обычно. Со времени ее разговора с Юлей Вагановой прошло три дня, и понятно, что коллизия со скоростным уходом главного режиссера уже перестала быть тайной для большинства коллег. Тем не менее она, встречая прибывающих, по их поведению пыталась догадаться: знают или нет.

Ну, Юлька – понятное дело. Явилась едва ли не раньше ее самой, с большой сумкой, из которой немедленно принялась доставать какие-то листки, книжки и ноты. Значит, готовилась, молодец. Волнуется, вон щеки горят, а сама бледная. Ничего, справится, она, Тарасова, редко ошибается в людях. Вот, кстати, и насчет Витьки Удальцова она всегда что-то подобное

предвидела. Молчала, конечно, но знала: выпадет ему шанс – и он пойдет по головам. Юля не такая. Ладно, проживем – увидим...

Про Королевых тоже все понятно. Уж Марианна всегда все узнает первой. И, как всегда, держится королевой. Тарасова хмыкнула, вспомнив, что ее девичья фамилия подходила ей куда меньше. Когда Марианна Червякова вышла замуж за только что приехавшего в Надеждинск выпускника юридического института, тощего очкарика и зазнайку Олежку Королева, все просто встало на свои места. Олежка с тех пор потолстел и стал невероятно важным – он теперь большой человек во всех отношениях. Сашка у них – красавица невероятная, только какая-то... Тарасова покрутила головой, подбирая точное определение. Нечеткая, будто портрет размытыми красками нарисован. И касается это не внешности, а характера. Но если Александра пошла в мать с отцом, то она еще себя покажет, непременно покажет, тогда только держись. А Петька – славный парень, жаль только, что зацепился за театр. Не место ему тут. Прилип к Татьяне, как муха к варенью. Ну да ничего, учится, растет... глядишь, и переберется. Интересно, кстати, а Татьяна придет? Или ее наши дела уже не касаются? Должна прийти, заявляя-то она не подавала...

Тарасова вскочила и пошла навстречу двум старикам, которые показались в дверях. Невысокая полноватая женщина с собранными в узел седыми волосами бережно поддерживала своего спутника под локоть, потому что он ступал нетвердо и тяжело опирался на трость. Но делала она это так, восхитилась Тарасова, будто сама опиралась на его руку.

– Антонина Ивановна, Василий Ильич, вы, как всегда, в первых рядах!

– А как же? Старая гвардия никогда не подводит! – отрапортовал Василий Ильич. – Светочка, детка, ты, как всегда, ослепительна!

– Василий! – с напускной строгостью проговорила Антонина Ивановна. – Только из дома – и сразу девчонкам глазки строить?! Я этого не потерплю!

Довольный собой, Василий Ильич чмокнул Светлану в щеку и бодро направился к первому ряду, постукивая палочкой.

– Тонечка Ивановна, как он? – шепотом спросила Тарасова.

– Да ничего, держится, – тоже шепотом ответила Антонина Ивановна. – Летом в жару тяжело было, а сейчас терпимо. А как стали про начало сезона говорить, и вовсе раздухарился. Орел! – она с улыбкой оглянулась на мужа, который теперь отпускал комплименты Юле.

– А вы про наши новости знаете? – заторопилась Тарасова. – Про Витю?

– Нет, а что? – безмятежно поинтересовалась Антонина Ивановна.

Тарасова, чертыхнувшись про себя, быстро зашептала ей на ухо.

– ...и скажите дяде Васе, что мы уже все придумали, ничего страшного, пусть не волнуется, – торопливо закончила она.

Антонина Ивановна, с лица которой сползла улыбка, поспешила к мужу. Василий Ильич, проработавший в театре всю свою жизнь, слишком близко к сердцу принимал все, что происходило с коллективом. А сердце уже могло не выдержать.

– А что вы придумали? Очередной заговор? Опять интриги? – протянула, подходя к Тарасовой, пожилая актриса, крашенная худощавая брюнетка, как всегда, одетая в черное.

Галина Константиновна Долинина была ровесницей Антонины Ивановны, но амплуа у них были совершенно разными: Антонина играла деревенских старух и городских бабусек, а Долинина – дам, аристократок. Именно поэтому, кстати, она уже давно не признавала никаких других цветов в одежде, кроме благородного, элегантного и беспрюирышного черного, и волосы красила в оттенок воронова крыла. Поскольку такое «разделение труда» существовало всегда, особых конфликтов между актрисами не было, хотя Долинина, надо признать, была огромной мастерицей устраивать всевозможные склоки и разборки. В атмосфере скандала она чувствовала себя как рыба в воде, поэтому с ней старались не связываться. Она была уверена в своем непререкаемом авторитете и всегда оставляла за собой последнее слово.

– Да какие интриги, Галя! Лучше Вити нам уже ничего не придумать. Разгребать только потихоньку... – отмахнулась Тарасова, внимательно наблюдая за реакцией Долининой.

– Да? А что придумал Витя? – пренебрежительно протянула она, поправляя шарфик.

– И ты не в курсе? – Тарасова поспешно погасила в голосе неуместное злорадство. – Уехал Витя. В град-столицу. Насовсем. И мужиков увез. Так что сама понимаешь, какие дела...

Оставив Долинину с открытым ртом обдумывать услышанное, Тарасова поспешно отошла, будто по неотложным делам. Злорадство ее объяснялось тем, что Долинина, всегда считавшая себя примадонной, в последнее время перегибала палку, а Витя ничего не мог ей противопоставить, опасаясь мгновенно вскипающей ссоры. Теперь-то понятно, что в последнее время он просто плевал на все с высокой башни, не желая тратить силы на наведение порядка в коллективе. Но Долинина приписывала свои победы совсем другим причинам, и Светлане было приятно ее разочарование. К тому же высокомерие, с которым старая актриса относилась к большинству коллег, на этот раз вышло ей боком: весь город в курсе, а она, примадонна, узнает новости последней.

– Девочки! Привет!

К Тарасовой подошли Оля Бодрук, Ира Лаврова и Лара Сергеева. «Девочкам» было кому под сорок, а кому и за... но понятно, что в театре все девочки, тем более если знакомы сто лет и проводят вместе полжизни.

– Ой, Светлана Николаевна, что делать будем? – вместо приветствия всплеснула руками Лариса. – Что же с театром будет?! Я, как узнала, без снотворного не сплю...

– Нового пришлют. Была бы шея, ярмо найдется, – спокойно возразила ей Ольга. – Света, я пироги принесла, можно у тебя в кабинете положу?

– Ольга, я всегда поражаюсь, и не лень тебе пироги печь, да еще не в дом, а на такую ораву? – засмеялась Ира. – Мне пельмени покупные варить и то бывает в облом.

– Вот потому от тебя два мужа и сбежали. Кормила бы – не сбежали бы. На, держи лучше, поможешь, чем болтать, – парировала Ольга и сунула Ирине в руки укутанный в полотенца поднос. Из необъятной сумки она принялась доставать какие-то банки.

– Они не поэтому сбежали, – засмеялась Ирка. – Объяснить тебе почему, ты не поверишь. Зато у меня третий муж, новенький, а ты все со старым живешь, а это, учитывая амортизацию...

– Девчонки, хорош трепаться, давайте начинать! Света, давай уже начнем! – Королева сказала это негромко, но ее звучный голос был слышен во всех уголках зрительного зала. – Если вам время девать некуда, то у меня его в обрез.

– Правильно! – поддержала ее Лара. – Пришли делом заниматься, так давайте уже заниматься. А то Ольгин пирог остынет.

– Ой-ой-ой, какие мы правильные, – проворчала Ирка, но вполголоса, острого языка Марианны она побаивалась.

– Так, Юра здесь, значит, все в сборе, – оглядев зал, подвела итог Тарасова. – Давайте начинать. Раньше сядем – раньше выйдем... у кого не пожизненное.

– Шутки у тебя, Света! – прокомментировал до сих пор молчавший Юра Батраков.

– В каждой шутке есть доля шутки, – сообщила ему в ответ Долинина, изящным жестом укладывая вокруг себя складки длинной черной юбки.

– Тани нет, – звонким голосом сказал Петя. – Таня придет?

Марианна Сергеевна громко фыркнула, что в переводе должно было означать: невелика птица, можно и без нее обойтись. Все остальные промолчали. В наступившей тишине только Юля шуршала своими бумажками, не обращая внимания на происходящее.

– Да... Я думаю, она подойдет... позднее. – Светлана Николаевна поднялась на сцену и оглядела собравшихся. – Ну, что ж... Вас сегодня мало, одиннадцать человек. И я вот перед вами одна, хотя обычно мы вдвоем с режиссером. Вы все, я думаю, уже в курсе. Этот сезон

мы открываем без главного режиссера. И главное, что еще печальнее, – без Максима, Саши, Вани и Олега. Такие вот дела.

– А чем открываться будем?! – вдруг осенило Долинину. – Да это же просто!..

Добавленное крепкое словцо никого не шокировало, хотя вообще-то во время работы эта лексика была под запретом и каралась штрафами.

– В общем, да, я с Галиной Константиновной совершенно согласна, – невозмутимо кивнула Тарасова. – Но этого в афише не напишешь. Сезон открываем через двадцать дней. Вариантов нет. Если, конечно, не ложиться и не помирать. Но эту возможность мы обсудили и пока от него отказались.

– А с кем обсудили? – негромко уточнила Королева.

– С Юлей. Юля, иди сюда. – Тарасова указала Юле на место на сцене рядом с собой. – Вот, прошу любить и жаловать, наш очередной режиссер Ваганова Юлия Сергеевна. Мы решили, что на открытие Юля поставит спектакль «Под управлением любви», для этого она переработала свой «капустник». Я думаю, успеем. Билеты начинаю продавать завтра, афиша уже готова, кому интересно – можете посмотреть у Вити... то есть в кабинете режиссера. Завтра вывешиваем, на неделю даем рекламу в газете – словом, все, как обычно. А о дальнейших планах Юля вам сама расскажет. Давай, Юля.

– Я сама очень боюсь, – сообщила Юля, приложив ладони к горящим щекам. – Но давайте попробуем. Текст я вам раздам. Много придется придумывать самим, так что это будет коллективное...

Юля замолчала. Все, проследив за ее взглядом, обернулись. В дверях стояла Таня Удальцова, подавленная и вызывающая одновременно. Таня походила на тощего взъерошенного воробья, готового и драться, и улепетывать – в зависимости от ситуации.

– А почему опаздываем? – нарочито строго, чтобы сгладить неловкость момента, возмутилась Тарасова. – Приказ забыли? Все расписывались, штрафы уже работают. В зарплату нечего будет получать.

– Я... простите... – пробормотала Таня.

– Давай быстрее, проходи, не отвлекай. Мы про открытие сезона говорим, – распорядилась Тарасова, и Таня, подойдя ближе к сцене, присела на крайнее кресло.

– Ну вот... капустник. Тут распределение ролей я вывесить не успела, извините, – с трудом вернулась к мысли Юля. – А потом будем ставить «Ревизора». В декабре, наверное.

– На кого ставить? Уехали же все! – с иронией перебила ее Королева.

– А я придумала! – В голосе Юли прозвучал вызов. – И Светлана Николаевна считает, что это вполне возможно. В октябре – спектакль по Коляде, там с декорациями проще. Еще детские, я пока не знаю что. Давайте обсудим. И там уже пора будет елку готовить.

– Да-а... – протянула Долинина. – Перспектива. Света, а ты с СТД созванивалась? С Министерством культуры? Может, они помогут?

– Нет у них никого, – ответила Тарасова. – У нас тут медом не намазано. Не летят режиссеры, хоть ты тресни. Да и актеры тоже. Все, давайте конкретно про премьеру. Юля, начинай!

И через несколько минут, позабыв про Удальцова и прочие обстоятельства, все слушали Юлю, соглашались и азартно спорили, предлагали свое.

– Ну, слава богу! – нагнувшись к Тарасовой, прошептала Антонина Ивановна. – Ты, Света, правильно насчет Юли решила. Она хорошая девочка, и задатки у нее есть. Только помочь ей надо. И Танечке помочь... Ей еще труднее. У Юли – день рождения, а у Танечки, получается, – вроде похорон. Ой, что это я! Дай бог Витьке, подлецу, здоровья и долгих лет жизни! – закончила актриса совершенно искренне.

Опыт показывает, что чем меньше город, в котором работает тот или иной театр, тем короче официальная часть любого собрания коллектива. Понятно, что в каком-нибудь большом академическом театре, где актеры пропадают то на съемках, то в антрепризах и встре-

чаются нечасто и на бегу, а директор с художником обитают на высотах, недоступных простым смертным, и новостей полно, и сюрпризов, и планов вечное громадьё... А в таком, как Надеждинский драматический имени, разумеется, Антона Павловича Чехова, все новости узнаются мгновенно, потому что все встречаются едва ли не каждый день то в магазине, то на улице. Поэтому уже вскоре все сидели в осиротевшем кабинете главрежа, где всегда накрывали стол, когда возникал повод для междусобойчиков. Настроение у всех было не очень, и натянутость ощущалась, но пару бутылок шампанского все же открыли, как положено. И пироги, на которые Оля Бодрук была большая мастерица, тоже оценили по достоинству. Жизнь продолжается, с Удальцовым или без, надо работать и не ждать ни от кого сочувствия или помощи. Все понимали, что театр – не завод, от которого зависит жизнь города, а лишняя обуза для и без того дырявого городского бюджета: не выживет – посожалеют и махнут рукой; нынче не советская власть на дворе, рынок, ему культура без самокупаемости по барабану.

Расходились уже затемно. Батраков, как всегда, предложил проводить Юлю до дома. Повеселевший Петя наладился было провожать Татьяну (он уже начал понимать, какие преимущества сулит ему новое положение дел), однако Таня вдруг решительно заявила, что она пойдет с Юлей. Батраков, пожав плечами, отошел, но Петя так легко сдаваться не собирался.

– Вам же не по дороге! – возмутился он. – Совсем в разные стороны!

– Петр, не валяй дурака, может быть, им поговорить надо, – холодно произнесла Марианна Сергеевна. – А ты можешь проводить нас с Александрой.

Это предложение возмутило Петю еще больше, потому что сестра приехала на машине и должна была просто-напросто отвезти его и мать домой. Но пока он препирался с матерью, Юля и Татьяна ушли, и пришлось смириться.

– Какие ваши годы, Петенька! – подколола его злыдня Долинина, когда он помогал ей надевать пальто. – Уверяю вас, с вашей внешностью... Вам еще надоест провожать чужих жен к их семейному очагу.

– Противный твой язык, Галина, что ты пристала к мальчишке? – дернула ее за рукав Антонина Ивановна, на минуту оставив мужа, которого заботливо укутывала в шарф.

Но Долинина, вполне довольная собой, послала всем воздушный поцелуй и, помахав рукой покрасневшему Пете, царственно удалилась.

Юля с Татьяной шли по освещенной фонарями аллее. Оглянувшись, Татьяна остановилась. Юле пришлось тоже остановиться, хотя она торопилась, ведь дома ее ждал наверняка голодный Серега, который один принципиально не ужинал.

– Юля, ты прости, что я за тобой увязалась, – тихо сказала Татьяна. – Мне ведь действительно совсем в другую сторону. Просто надо было от Петьки...

– Да я понимаю, Танюш, – сочувственно сказала Юля. – Ты и так с ним уже столько возишься.

– Вбил себе в голову, – вздохнула Таня. – Но я не только поэтому. Я не хотела при всех... Понимаешь, я ведь тоже уеду скоро. Виктор Иванович говорит, что вопрос с квартирой вот-вот решится, и мы с Дашкой к нему уедем. Так что зря ты меня в премьеру заняла. Я не смогу, наверное, подведу вас, как... – Она хотела сказать «как Виктор Иванович» (Таня всегда даже за глаза называла супруга по имени-отчеству), но замолчала.

Юля поняла, посмотрела на нее внимательно и увидела вдруг, как Татьяна осунулась, а под глазами легли тени. Да нет, наверное, это освещение такое, ведь только что, там, во дворце, она выглядела вполне ничего.

– Уедешь – перекроим, – решительно ответила Юля. – А пока он там устраивается, что ж тебе без дела сидеть? Да ведь ты же не уволилась еще?

– Нет, Виктор Иванович сказал, что пока не надо заявление писать, сперва он там все узнает, чтоб стаж не прерывался.

– Тем более. Давай будем репетировать, ты же понимаешь, что у нас теперь каждый человек на вес золота. А там поживем – увидим, – повторила она слова, часто слышанные от Тарасовой.

И вдруг поняла, что у этой округлой и обманчиво кажущейся пустой фразы есть скрытый смысл. И смысл этот в том, что ничего хорошего ждать не стоит. Надо просто жить сегодняшним днем, на особую щедрость судьбы не рассчитывая. Кажется, Татьяна это тоже почувствовала, по-актерски точно схватив интонацию.

– Ты думаешь... – начала она.

– Ничего я не думаю! – поспешно перебила ее Юлия. – Уедешь – и замечательно, то есть я хотела сказать, что рада за тебя. И никого ты не подведешь. Спасибо, что предупредила, я сделаю с расчетом на замену. Танюш, ты извини, мне бежать надо, меня Серега ждет.

И, не дожидаясь ответа, Ваганова поспешно пошла в сторону проходной, часы над которой показывали уже двадцать один сорок две. Она не оглядывалась, но точно знала, что Татьяна стоит посреди аллеи и смотрит ей вслед.

– У твоей Вероники Гавриловны не работа, а просто санаторий на дому, – ворчала мама Павла, Нина Владимировна, ставя на стол перед сыном тарелку борща и пододвигая поближе хлеб и сметану (по сложившейся традиции, которую оба свято соблюдали, сын перед отъездом всегда приезжал к матери обедать, завтракать или ужинать – в зависимости от расписания самолетов). – Три дня работает – месяц отдыхает, а зарплата идет. Вот сколько ты ей платишь, Паша?

– Ну какая тебе разница, мам? Немного, – соврал Паша, увлеченно размешивая ложкой сметану.

– Знаю я твое «немного»! – не успокаивалась мать. – Деньги ты считать не умеешь, вот что. Слишком у тебя их много.

– Не умею, – покладисто согласился Павел. – Но люблю. Как дядя Скрудж. Вот я бы с тобой с удовольствием поделился, так ты же не берешь! Куда мне их девать, скажи, пожалуйста?

– Паша, в самом деле, я серьезно! Ну почему ты не разрешаешь мне у тебя прибираться? Раз в неделю мне не составит труда, честное слово. И приготовила бы все уж не хуже, чем твоя домработница. И главное, бесплатно.

– Во-от! В этом все и дело! – На секунду отрываясь от борща, поднял палец вверх Павел. – А всякий труд должен быть оплачен, за этим у нас, между прочим, прокуратура следит. Некоторых уже оштрафовали.

– Да ну тебя! – расстроилась мать. – Я с тобой серьезно, а ты...

– Мапочка, ты уже и так за свою жизнь наработалась, – погладив ее по руке, сказал Павел. – И до сих пор отдыхать не хочешь. Кстати, как там у вас в музее дела? Уволили эту, как ее, забыл?

– Веру Михайловну? – оживилась мать. – Нет, вынесли строгий выговор с предупреждением, а увольнять не стали. Ты же знаешь нашу администрацию, интеллигентные люди, которые до последнего...

Павел, довольный тем, что так удачно перевел разговор, принялся опустошать тарелку, украдкой поглядывая матери за спину на футбол, шедший по телевизору без звука. Нина Владимировна тем временем подробно рассказывала историю борьбы великодушного директора музея с нерадивой смотрительницей. Его мама всю жизнь проработала школьной учительницей математики, а на пенсии устроилась смотрительницей в Русский музей и теперь была совершенно счастлива. Она весь день проводила в окружении шедевров и общалась с единомышленниками – конечно, за редким исключением, вроде вышеупомянутой Веры Михайловны, которая к возложенной на нее миссии относилась без должного рвения. Павел Веру Михайловну

в глаза не видел, но был благодарен ей за то, что ее постоянные конфликты с руководством позволяли ему получить передышку от маминых поучений.

Он очень любил маму и прекрасно понимал, что она просто-напросто хотела бы принимать большее участие в его жизни – хотя бы получив ключи от его квартиры и наводя там порядок. Но мама – не Вероника Гавриловна, которая очень дорожит своей и впрямь непыльной и хорошо оплачиваемой работой. И если поползновения Вероники Гавриловны, тоже то и дело начинавшей критиковать его образ жизни, он вежливо и решительно пресекал на корню, то с мамой, понятное дело, этот номер не прошел бы.

– ...и сказали, что если это еще раз повторится, то больше этого не потерпят, – закончила свой рассказ мама. – Паша?

– А? Что? – спохватился сын, поспешно отводя взгляд от экрана и наугад ответил: – Молодцы, правильно сделали, с людьми надо работать!

– Ой, я тебя заговорила совсем, сыночка! – успокоилась простодушная мама. – Пельмешки будешь? С мясом и капусткой, как ты любишь!

– Ой... – с сомнением протянул сыночка. Пельмени после тарелки борща были явным перебором... Но мама обидится, да и когда еще будет случай поесть любимых пельмешков... И Павел, вздохнув, решился: – Неси! Наемся на месяц вперед, как верблюды!

Водрузив на стол миску с пельменями и пополнив запасы сметаны, Нина Владимировна опять уселась напротив сына и приступила ко второй обязательной части беседы.

– Пашенька, ты опять на целый месяц уезжаешь? Как, ты говоришь, этот город...

– Надеждинск. Триста сорок километров от Екатеринбурга, – уписывая пельмень, невнятно пояснил Павел. И зачем-то добавил: – К северу.

– Господи... – расстроилась мать, прожившая всю жизнь в Петербурге и даже Москву искренне считавшая провинцией. – Такая дыра! Там же холодно! И как там люди живут?

– Ну почему дыра, мама? – рассмеялся Павел. – Большой город, сто тысяч населения. Градообразующее предприятие – наш металлургический завод. Само собой разумеется, школы, больницы, магазины – все, как положено. Даже свой театр есть, представляешь?

– Ну да, – поджав губы, кивнула мать. – Хоть в театр сходишь. Я тебя в БДТ звала – не пошел! Так и будешь там весь месяц безвылазно сидеть?

– Так и буду, – вздохнул Павел и решился: – Только не месяц, мама, а больше.

– Больше?! – ужаснулась мать. – Куда ж больше-то? Совсем дома не бываешь, вся жизнь в командировках, ни отдохнуть, ни пожить, как нормальный человек. Семью бедному мальчику завести некогда! Я вот позвоню Павлу, поговорю с ним. Ты же не можешь один все тащить, неужели он не понимает?! Своих небось не гоняет по медвежьим углам, а тебя не жаль?

Мама вырулила на любимую тему номер три – как ее родной брат, Павел Владимирович, нещадно эксплуатирует племянника, заставляя того мотаться по городам и весям, где работают подразделения его огромного металлургического холдинга – и монолог двинулся было по накатанной колее. Но на этот раз Павел маму остановил: разговор грозил затянуться, а за ним вот-вот должна была прийти машина, чтобы отвезти в аэропорт. Уехать по-тихому не получилось: мама и в самом деле могла позвонить брату, тогда все попали бы в идиотское положение.

– Я не знаю, насколько я еду, мама. Честное слово. Это немного другое, чем всегда. В общем, я не хотел тебе говорить, чтобы ты не волновалась.

– Что это вы там еще придумали? – настороженно уточнила Нина Владимировна, немедленно начавшая волноваться.

– Видишь ли, мама... На этот завод я теперь еду не как представитель руководства холдинга и не затем, чтобы внедрять новый проект. То есть и за этим тоже, но...

– Да что ты тянешь, говори конкретно! – возмутилась мать.

– Это теперь мой завод, мама. Павел Владимирович мне его подарил, можно так сказать.

– Как это подарил? – не поняла мать. – Это же не игрушка. А ты говоришь «подарил»? Что за глупости! Ты-то здесь при чем?

Павел вздохнул. Его замечательная мама, прошедшая светлый путь от октябрятской звездочки и пионерской дружины до первичной комсомольской организации, конечно, вполне отдавала себе отчет, что в стране, на ее памяти сменившей историю, строй и даже название, имела место быть приватизация. И даже постепенно привыкла к мысли, что ее старший брат, в начале девяностых бывший директором металлургического завода в Карелии, за прошедшие годы стал одним из самых богатых людей в этой стране с новым названием. Теперь Павел являлся владельцем гигантского холдинга с ежемесячным оборотом в три миллиарда, в который входили горно-обогащительные комбинаты, шесть металлургических заводов, три машиностроительных и два – по обработке цветных металлов. А в последние годы компания «Северметалл» начала активно теснить конкурентов еще и на чужом поле – строительный бизнес, телекоммуникации, страхование... Павел Мордвинов-старший, как сказочный царь Мидас, легко превращал в золото все, к чему прикасался. Конечно, Нина Владимировна гордилась братом и тем, что ее сын стал правой рукой дяди, тем, что именно Павлу, а не кому-то еще в последние годы он доверял любую, самую сложную, работу – поэтому-то Павел и колесил по всей стране от Владикавказа до Урала и Башкирии.

Но признавать факт, что огромный завод мог быть *подарен*, как любая другая вещь, она отказывалась. Да еще ее сыну! Ее Пашка – владелец завода, на котором работают сотни людей? Не дядин помощник, не наемный работник, добросовестно и профессионально выполняющий распоряжения хозяина, а сам хозяин?!

– Паша... да что же это... Да как же... – бормотала мать, не в силах собраться с мыслями. – Зачем же тебе эта обуза? Ты же такой молодой еще, а там люди... там же люди... целый город! Ты же сам сказал: градообразующее предприятие. И потом... он же стоит... Господи, зачем? Тебе что, так мало забот? Или денег тебе мало? Тебя там убьют, сыночка, их вон всех убивают! Не ездь туда, бога ради, хотя бы раз в жизни послушай мать...

Мать едва не плакала. Павлу стало ее ужасно жаль. Он отлично понимал, что она хотела сказать. Новые жизненные реалии укладывались в маминой голове неохотно, но зато она отлично помнила те самые девяностые, когда те, кто позубастее, как бультерьеры, рвали друг у друга собственность, не останавливаясь ни перед чем, а обыватели боялись нарваться на пулю, отправляясь среди бела дня во двор выносить мусор. Эх, зря он проболтался! Пусть мама думала бы, что это обычная командировка. Но раз уж начал – надо объяснять до конца.

– Мамочка, хорошая моя, сейчас никого не убивают, прошли уже те времена. И уже давно никто ни у кого ничего не отбирает. Ну разве что через суд... относительно законным образом. Но это совсем другое дело. Павел Владимирович, наоборот, теперь думает о том, кому всю эту машину передать. Ты ведь сама знаешь, здоровье у него уже не очень.

– Вот пусть своим и передает! У него сын и две дочери. Что ж он от собственных детей отрывает и тебе дарит? Пусть забирают и сами со своими заводами разбираются! И со своими миллионами! – рассердилась мать. – Они на папочкины деньги живут и в ус не дуют, а ты должен...

Нина Владимировна замолчала, подбирая подходящее слово, а Павел неожиданно рассмеялся:

– Мама, ты у меня просто гений! Я не знал, как тебе объяснить, а ты сама суть дела в двух словах сформулировала. В самую точку!

– Что я смешного сказала? – не поняла мать.

Ответить помешал Павлу телефон. Звонил шофер: машина ждет внизу.

– Ты же сама знаешь, – заторопился Павел. – Дядя все это столько лет собирал, как говорится, потом и кровью... ну, то есть я хотел сказать...

Он сбился и замолчал, потому что оба они всегда понимали: скупить несколько десятков заводов по всей стране – не картину крестиком вышить, и эту тему они все годы обходили.

– Я поняла, – кивнула мать. – Дальше.

– Теперь это гигантская империя. Часть экономики страны! А кому передать? Илоне? Майке? Или Леньке? Илона с мужем уже сколько лет живут в своей Ницце и представления не имеют, откуда денежки берутся: у него галерея, она отдыхает... от жизни. Майка – хороший врач, но это ей не по силам. А у Ленечки одни мотоциклы на уме. Я его видел недавно: взрослый мужик, здоровый, за сто кило весом, а одет, как пацан – черная кожа, бандана, цепи. Ему в этой жизни, кроме его «Харлея», ничего не надо, а уж тем более – папиных металлургических заводов. Что ж, это все просто бросить? Чтоб по кускам растащили? А кто тогда их всех кормить будет, вместе с внуками? Вот Павел Владимирович и решил: он постепенно передает мне все активы, начиная с завода в Надеждинске, а на своих детей записывает привилегированные акции. Как бы тебе объяснить... Ну, в общем, в управлении делами холдинга владельцы таких акций принимать участие не могут, но зато им полагается обязательная доля прибыли. Он же знает, что мне можно доверять и что дело я не запорю. Понимаешь, у меня выбора нет. Не могу я все это бросить. Я ведь не просто наемный директор, я член семьи, ты же сама мне всегда говорила – и что у тебя, кроме дяди Паши, родных нет, что они мне – сестры и брат. Даже не в том дело, что это миллиарды. Я об этом стараюсь не думать пока. А в том, что... Вот, смотри, что он мне подарил.

Нина Владимировна задумчиво взяла в руки маленькую прозрачную коробочку. Повертела так и сяк, не поленившись нацепить очки. Вздохнув, передала обратно сыну, и Павел аккуратно спрятал ее в портфель.

– Что ж, если так... Я понимаю, конечно... А можно я к тебе потом приеду, Пашенька? Посмотрю, что и как, успокоюсь. А ты поезжай, не то опоздаешь с моими разговорами. Одевайся там потеплее, раз север. И кушай хорошо! И обязательно звони мне каждый день, ладно, сыночка? – Последние указания мама давала уже двери лифта, захлопнувшейся за сыном.

Машина пробиралась по Московскому проспекту. Павел провожал глазами знакомые здания: за долгие годы командировок дорогу до Пулкова и обратно он изучил до мельчайших деталей. Но когда навигатор предупредил о пробке, шофер свернул вправо и поехал по неширокой улочке, густо обсаженной желтеющими кленами. «Улица Бассейная», – заинтересовавшись, прочитал Павел. С ума сойти! Он всю жизнь прожил в Питере и считал, что отлично его знает, но и понятия не имел, что Человек Рассеянный, знакомый многим поколениям детей, жил не по какому-то выдуманному Маршаком адресу, а именно в этом доме. Или вон в том? Павел развеселился и принялся вертеть головой, представляя, как утром мимо этих самых кленов спешит на вокзал смешной человек в пальто и гамашах – кстати, интересно, что это такое?

Любимый город был щедр на такие неожиданные открытия. Например, совсем недавно от мамы Павел узнал, что Конюшенная церковь, та самая, где отпевали Пушкина, открыта. Более того, там сохранились интерьеры, изображенные на картине, запечатлевшей отпевание поэта. Павел сходил накануне отъезда, не поленился. Посмотрел на стертые ступеньки каменной, ведущей на второй этаж лестницы, погладил рукой перила, постоял возле белой фаянсовой печки... Конечно, он один туда ходил, даже маме не сказал – неудобно как-то, глупое сентиментальное любопытство, не по возрасту. Он вообще любил гулять один по Питеру, потому что все дамы предпочитали пешим прогулкам комфорт кожаного салона его «Майбаха».

Наверное, его понял бы дядя, который тоже не мыслил себя вне этого города и в свое время наотрез отказался переводить офис из Питера в Москву, как ни убеждали его сведущие люди в пользу такого шага. Дядя, как всегда, оказался прав: гора-таки пришла к Магомету, к власти пришли «питерские» – а Павел Мордвинов был таким же, как они, стопроцентным петербуржцем по рождению и по образу мыслей. Но, разумеется, Павел не говорил с родственником на такие темы.

Павел вспомнил о дяде и расстроился. Во время последнего разговора он впервые увидел, как дядя постарел и сдал, какие усталые у него глаза, как подрагивают пальцы, которыми он то и дело с усилием трет лоб. Павел по-настоящему любил дядю, хотя и ворчал за глаза в компании друзей, что дядя, мол, уважать себя заставит не мытьем, так катаньем... Он рано остался без отца, и Павел Владимирович стал главой их с мамой семейства, не отделяя от собственного. И хотя мама щепетильно соблюдала границы финансовой автономии, стараясь не принимать слишком дорогих подарков и не пользоваться связями брата, все же именно Павел Владимирович советовал (и решал), как жить племяннику, названному при рождении в его честь: чем заниматься в свободное время, куда пойти учиться, где делать карьеру. По его настоянию Павел закончил политехнический, а потом, к великому ужасу матери, ушел служить в армию. Кстати, это был, пожалуй, единственный случай, когда мать просила брата о помощи (она до потери сознания боялась отправлять в армию единственного сына). И единственный раз, когда брат ей отказал, отрезав: не отслужил в армии – значит, не мужик. А Пашка мне настоящим нужен.

Вернувшись из армии, Павел стал работать в холдинге. Продолжал учиться, а в остальное время мотался по командировкам, выполняя все более и более сложные поручения – сперва как инженер, а потом уже как юрист, директор, доверенное лицо. Он не жалел о том, что так вышло, потому что никогда не думал о какой-то иной карьере. Кроме этого, все эти годы дядя платил ему зарплату, которая позволяла не мечтать о перемене участи. Да и сам Павел Владимирович, происходивший из легендарной плеяды «красных директоров», которые не стали убиваться по советской власти, но быстро поняли механизм ваучерной приватизации, честно тащил на себе огромный воз, непосильный, кажется, одному. Но он и был не один – у него был Павел. Его собственные дети выросли неплохими людьми, а средняя дочь, Майя, стала хорошим врачом, но отцовский бизнес был для них далек и непостижим, и надеяться на то, что кто-то из них возьмет со временем бразды правления в свои руки, не приходилось.

– Ты, Пашка, молодец. А на моих природа отдохнула, – сказал ему дядя при последней встрече. – Может, так оно и должно быть. Мои родились с золотой ложкой в зубах. А если жизнь человека, как щенка, в воду не швыряет – или плыви, или тони к чертовой матери, – то он так и сидит всю жизнь. На хрена ему самому в воду лезть? Они и не лезут. Они просто умные, умней нас с тобой. А тебя мать правильно воспитала. Как чувствовала, Пашкой назвала. Был Павел Мордвинов – и будет Павел Мордвинов. Слышишь, племяш? Будешь Павел-второй. Наша порода.

Конечно, узнав о дядиных планах скорого превращения его, Павла Мордвинова-второго, в олигарха, он попытался сказать дяде все, что положено говорить в таких случаях, но дядя был не сентиментален и слушать не стал.

– Ладно, Павел, молчи. Вопрос решенный. Шелуха все это, – устало махнул он рукой. – Все мы смертны, все мы человеки. А ты, если что, тетку и моих обормотов без куска хлеба не оставишь, я тебя знаю. Дела на заводе в Надеждинске не очень, сам знаешь, да все руки не доходили. Поднимай сам, твое теперь. Тогда и остальное тебе со спокойной душой передам. И еще вот, держи. У секретаря своего на столе нашел. И спер, не удержался, – хмыкнул Павел Владимирович. – Красноречивая вещь. С собой возьми туда, в Надеждинск, поставь перед носом и смотри каждый день. Должно помочь. Или ты не Мордвинов.

Уже совсем близко показалось здание аэропорта. Павел оглянулся на город – его уже не видно, он знал точно, но все же оглянулся. Кто знает, на сколько придется уезжать. И подумал: каким он будет счастливым, когда вернется!

Вот уже третий час Юля металась по сцене и залу, сводя воедино репетицию актеров, эстрадного оркестра и танцевального ансамбля. Самодеятельные музыканты и танцоры, страшно гордые оказанной честью – они будут заняты в настоящем спектакле и непременно проснутся знаменитыми после премьеры! – старались изо всех сил. Но режиссер все время оставалась

чем-то недовольна и заставляла повторять снова и снова. Сейчас как раз прогоняли номер Юры Батракова, поэтому оркестранты спешно перелистывали ноты, а девчонки и ребята из танцевального ансамбля, которые в этом номере не были заняты, спустились в зал и уселись в первом ряду.

Один ответственный квартиросъемщик
Сказал женщине, не имеющей прописки на его
жилплощади: «Дорогая, нам лучше выйти порознь...»
А она ему ответила: «Мой друг! Я люблю,
когда утром играет тихая музыка».
А он ей сказал: «...иначе нас могут увидеть соседи».

– Юра, еще раз повторяю: мне не надо, чтоб ты пел! – остановила его Юля. – Просто рассказывай. Причем мне, а не всему залу, понимаешь разницу? Валентин Иванович, оркестр здесь играет совсем тихо. И не страшно, если Юра будет говорить не в такт. Да, и еще вот что: попробуйте полуобернуться к Юре, как будто вы тоже хотите его послушать. Вы справитесь? Давайте попробуем.

Дирижер Валентин Иванович с готовностью кивнул – ему и самому было невмоготу стоять спиной к происходящему на сцене, и разрешение стоять вполоборота пришлось как нельзя кстати. А Батраков продолжил «песенный рассказ» – именно так, как просила Юля:

– Целый день она писала
водоотталкивающей краской
лозунг «Спорт – это здоровье»,
хотя она сама из спортивных занятий
увлекалась лишь закручиванием бигуди...

Девчонки из ансамбля, прислушавшись, захихикали. Юля сердито на них оглянулась, и девушки испуганно притихли – режиссера они боялись.

– Сашка, ты мне что рассказать хотела? – наклонившись, неслышным шепотом спросила у дочери Марианна Сергеевна. Обе сидели довольно далеко от сцены и не боялись, что их услышат, поэтому позволяли себе изредка перебраться парой слов.

– Сейчас, мам, подожди, мне интересно, про что песня, – остановила ее Александра.

– Наивны наши тайны, секретики стары,
Когда ж мы кончим врать, на самом деле?
Где ж станция с названием «Правдивые миры»?
Но, как сказал один поэт,
Уж рельсы кончились, а станции все нет.

– Визбора надо знать! – возмутилась мать. – Ты же культурный человек!

– Я знаю Визбора, но этой песни не слышала, – обиделась Александра. – И ты послушать не даешь.

Марианна Сергеевна, фыркнув, отвернулась. Она чувствовала себя обманутой: дочь знала какую-то потрясающую, по ее словам, новость, но тянула кота за хвост и рассказывать не торопилась. Марианна Сергеевна же была любопытна как женщина и как актриса и, стало быть, чувствовала себя некомфортно вдвойне. Но тут, на ее счастье, Юля объявила перерыв.

– Отдохните пять минут, и потом еще часик поработаем, хорошо? – умоляюще посмотрела она на ребят из ансамбля. – Я понимаю, что вам еще уроки делать...

– Ничего, Юлечка, они у меня привычные, мы перед конкурсами по пять часов репетируем, – улыбнулась руководительница ансамбля Ольга Владимировна и без перехода оглушительно рявкнула: – Дети, быстро: попить-пописать – и обратно!

Ничуть не испугавшись, «дети» (старшеклассники и студенты колледжа), хихикая, как первоклашки, рванули по указанным адресам. Оркестранты, солидные дядечки, аккуратно положили инструменты и с достоинством удалились за кулисы. Марианна Сергеевна повернулась к дочери с твердым намерением на этот раз настоять на своем, но тут к ним подошла Тарасова.

– Светлана Николаевна, слышали новость? – повернулась к ней Саша.

Марианна Сергеевна ревниво поджала губы («право первой ночи», касающееся сплетен, она считала привилегией прежде всего семьи, а потом уже трудового коллектива, но Сашку, вредину, не переспоришь) и приготовилась слушать.

– Митрофанова отстранили! Чуть ли не под суд отдают. А к нам новый директор приезжает. И вообще там какие-то большие дела с акциями – то ли владелец меняется, то ли еще что, – выдала новость Саша.

Марианна Сергеевна вытаращила глаза, а Тарасова задумчиво присвистнула. Действительно, это была новость так новость. Последние пять лет Митрофанов был директором металлургического завода. А от завода зависела жизнь города. Работал завод, платил налоги – город процветал. Начинались проблемы на заводе – город лихорадило. Директор металлургического завода в Надеждинске всегда был самым главным человеком, к которому на поклон частенько ходил сам мэр: ничего, корона не упадет, а денежек на латание дыр в бюджете больше взять неоткуда, кроме как у завода попросить. Что же тогда говорить о театре и прочих небогатых учреждениях культуры и образования, сперва ставших жертвой остаточного принципа финансирования, а потом окончательно прихлопнутых «оптимизацией расходов»? Директор завода мог дать, а мог и не дать денег на постановку спектакля, это зависело и от личных отношений с той же Тарасовой, и от положения дел на самом заводе, и от отношения к театру, да и просто от желания руководства. С Митрофановым у Светланы сложились хорошие отношения. Он всегда вместе с супругой ходил на премьеры и не отказывал в помощи. Каким окажется новый директор – еще вопрос, так что Сашкина новость была скорее плохая, чем хорошая.

– А кто будет, ты не знаешь, Саша? – задумчиво спросила Тарасова.

– Дмитрий говорит, что кто-то из питерских, не наш, – ответила Саша.

– Ладненько, будем узнавать, – пробормотала Тарасова и отошла от Королевых, забыв даже, зачем приходила.

– Сашка, я не верю, что твой Дима тебе все не объяснил уже, – без вопроса в голосе произнесла Марианна Сергеевна.

Ее зять, Сашин муж Дмитрий Кротов не так давно стал прокурором города, оправдав таким образом расчет Королевых-старших относительно замужества дочери: когда выпускник юридической академии Дима Кротов приехал в Надеждинск начинать карьеру, Олег Леонтьевич Королев внимательно присмотрелся к начинающему сотруднику прокуратуры, через общих знакомых разузнал о его семье – и предложил кандидатуру на рассмотрение дочери. Объяснил: мальчик перспективный, из хорошей семьи, сюда приехал ненадолго, здесь он возьмет хороший старт («Да еще и я помогу»), а потом его родители вытащат в Екатеринбург, и при таких условиях, если у него ума хватит, он сделает очень хорошую карьеру. Соглашаясь на брак, Саша Королева обеспечивала себе положение среди местного бомонда уже не как дочь председателя суда и примы местного театра, а как супруга значительного человека (в ближайшем запланированном родителями будущем). Это с ее личными планами не расходилось. И Саша, как раз вернувшаяся в родной Надеждинск после окончания театралки, недолго подумав, согласилась. Остальное было делом техники (хотя Дмитрий, конечно, об этом не подозревал; он считал, что завоевал первую красавицу города исключительно благодаря собственным

непревзойденным достоинствам). С тех пор Марианна Сергеевна внимательно присматривалась к зятю, терпеливо ожидая, когда сбудется все предсказанное мужем. Пока дела шли своим чередом. Но уж что-что, а важные новости из жизни vip-персон ее зять узнавал в числе первых – по долгу службы.

– Он сказал: молодой мужик, вроде родственник владельца холдинга, во всяком случае, фамилия у них одинаковая, – сообщила Александра. – Приезжал на завод пару лет назад.

– Та-ак... – насторожилась мать. – Сашка, а он женат?

– Не знаю, мне Дима не доложил, – засмеялась Александра. – В любом случае нам-то с тобой что за дело?

– Не скажи, не скажи, – задумчиво протянула Марианна Сергеевна. – В твоём возрасте вообще так рассуждать глупо. Я думаю...

Но Саша так и не узнала, что думает Марианна Сергеевна Королева по поводу семейного положения нового директора, потому что вернулись ребята из танцевального ансамбля, на стульях в глубине сцены расселись оркестранты, и Юлия пригласила на сцену Долинину. Потом была ее очередь, и Саша сосредоточилась на своей песне. Но тут мать опять толкнула ее в бок:

– Сашка! А когда он приедет, не знаешь?

– Кто? Ах, этот... Не знаю. На днях, говорят.

– Да? Интересно... Может, на премьеру успеет. Сразу товар лицом, так сказать... – пробормотала Марианна Сергеевна.

– Да ладно, мама, – отмахнулась Саша. – Светлана и без тебя справится. Она же директор, а не ты, и у нее это отлично получается. Уж на что был жмот предыдущий-то, всем – шиш, а ей давал. Даст он нам денег на спектакль, не отвертится!

– Света да, она молодец, – согласилась мать. – Но ей все равно помочь надо будет. У нас все-таки связи...

Премьера спектакля, а уж тем паче – открытие сезона всегда становилось в Надеждинске событием общегородского масштаба. Билеты раскупали заранее, и уже за три дня до премьеры в окошке кассы появилась табличка: «Извините, на спектакль «Надежды маленький оркестрик» (1 и 2 октября) все билеты проданы!» Табличка эта использовалась нечасто: горожане, хотя и любили свой театр, но заполнить огромный зал Дворца культуры металлургов не могли при всем желании. Каким-то непостижимым образом это чудо происходило лишь несколько раз в сезон: на открытии и в пору новогодних елок. Билеты в первые два ряда, разумеется, не продавались: на эти места выписывались контрамарки, и директор театра лично расписывалась на приглашениях, составленных в самых церемонных выражениях: «Глубокоуважаемый Иван Иванович! Наш театр открывает новый сезон, и мы будем очень рады видеть Вас и Вашу супругу на премьере...»

Супруга Ивана Ивановича немедленно начинала лихорадочные приготовления. Знаменитые королевские скачки в Аскоте показались бы просто детским утренником, если бы тамошний бомонд вдруг вздумал потягаться с надеждинским. Не было только шляп, и то лишь потому, что они бы ограничивали видимость в зрительном зале, а так – один к одному: непременно новые платья (надеть прошлогоднее считалось моветоном), туфли на каблуках и затейливые прически, мужу – отглаженный костюм, сменная обувь. Приехать надо было не рано, чтоб, упаси бог, не стать первыми, но и не поздно, чтобы не упустить возможность продефилировать по фойе, раскланяться со знакомыми, показать себя и ревниво рассмотреть других.

Для випов «из первого ряда» – мэра, замов, депутатов, заводской администрации – в кабинете директора дворца перед спектаклем накрывался стол, и они, понятное дело, в фойе не тусовались, коротали время за непринужденной беседой и бокалом шампанского, снисходительно признавая свою избранность и «причастность». О, сколько жизненно важных для театра вопросов успевала решить за эти четверть часа до третьего звонка Светлана Тарасова, улыбаясь, кокетничая, жалуясь на жизнь и отпуская комплименты!

На этот раз она волновалась особенно. Да, аншлаг, да, пришли и мэр с супругой, и депутаты городской думы в полном и при других обстоятельствах недостижимом кворуме, и главврач городской больницы, и начальник ГУВД, и редактор местной газеты... Но главный инженер завода, которого Светлана отловила в фойе (у него допуска к фуршету не было по статусу), на ее вопросительный взгляд лишь развел руками. Приглашение для Павла Андреевича Мордвинова, который приехал в Надеждинск только вчера, было передано заранее, а вот придет ли – кто его знает? Тарасова еще покружила по фойе, пренебрегая своими обязанностями радушной хозяйки и упуская возможность пообщаться с властью имущими в неформальной обстановке. Ей все казалось, что этот самый Мордвинов придет, как гоголевский ревизор, инкогнито. Вдруг он пойдет вместо кабинета директора в общий буфет, воспользовавшись тем, что его почти никто не знает в лицо? «Ладно, голубушка, это уж у тебя фантазия разыгралась, – укоротила она сама себя. – С какой ему стати, столичной штучке?»

Как только прозвучал третий звонок и в фойе начал гаснуть свет, Светлана Николаевна торопливо прошла за кулисы. Конечно, там все тоже ждали появления нового директора и украдкой выглядывали его сквозь занавес. Но Тарасова это дело быстро пресекла – надо настраиваться на работу, а не любопытничать, как сороки! И, перекрестив обе кулисы и занавес изнутри (она всегда так делала в день открытия сезона, хотя особо верующей не была), Светлана заторопилась в гримерку: ей тоже надо было переодеться и готовиться к выходу, ее песня была шестой по порядку.

– Все, с богом! Начинаем! Занавес пошел! – скомандовала по громкой связи помреж Тамара Семеновна, она же заведующая бутафорским цехом.

Оркестр взял первые аккорды.

Юлин спектакль, переделанный из «капустника», на своего предшественника ничуть не походил. Там было милое дуракаваляние, рассчитанное исключительно на своих. А тут – настоящий спектакль-концерт, со своей драматургией, персонажами, настроением и общей идеей. Идея была, конечно, не нова, но всегда востребована – «Под управлением любви», то есть про любовь, куда без нее. А также про отсутствие любви, про влияние того, что мы ошибочно считаем любовью, про непонимание и жертвенность, про обретения и потери... Про повседневную жизнь, короче говоря. Всем, включая саму Юлю, пришлось играть по пять-шесть, а то и больше ролей, каждая из которых была самостоятельным мини-спектаклем.

Волнуясь едва ли не до потери сознания, Юля, конечно же, и не вспомнила о том, что на спектакль может прийти новый директор. Она вообще и думать забыла, что есть на свете что-то еще, помимо того мирка, который она столько дней создавала из ничего и сейчас готовилась познакомить с ним пришедших на премьеру. Но когда она увидела битком набитый зал – и зияющее пустотой кресло в самой середине первого ряда, вдруг разозлилась на этого самого столичного пижона (а он непременно пижон!), который не изволил почтить своим присутствием, и на Светлану, которая прогнулась, выписала ему контрамарку в первый ряд. И вот теперь там дырка, как от выпавшего зуба, и взгляд, как назло, все время на эту пустоту натывается. Хоть бы пересел кто-нибудь на это место, что ли! Но народ был ученый, в первый ряд, к начальству, не совался, знали, что билетерши все равно погонят взашей.

Юля взяла себя в руки. Первый номер – Марианна Королева с песней Вертинского «Мне сегодня так хочется ласки», очень органичная в амплуа избалованной светской дамы – сорвал аплодисменты, но зал еще не захватил. Юля это просчитывала: такова всегда особенность первых минут спектакля, зритель еще должен «затормозить», вникнуть. То есть выпустив Королеву первой, она оказала ей честь как пешке, которой предстоит пожертвовать ради общего блага. Но Марианна все равно молодец, Долининой с ее романсом в образе постаревшей провинциальной Мэрилин Монро будет уже легче. А потом Юра и «Шаланды полные кефали», первый выход танцевального ансамбля – это должно пойти на ура.

...Да, она все просчитала правильно! И все работали отлично! Зал «включился», задышал, стал отвечать. И ответная энергетика подхватила, понесла актеров, закручивая действие, не оставляя провисов. К концу первого действия стало понятно – это успех!

К своему очередному выходу (как раз перед антрактом) Юля должна была подготовиться основательно, поэтому несколько песенных номеров она пропустила, и, когда вылетела на сцену, как встрепанная ворона, едва не опоздав, черт дернул ее опять бросить взгляд на то самое пустое кресло в первом ряду. Но она не нашла его глазами, пустоты не было. Значит, кто-то пришел. Кто, она не видела. Работая на сцене, зал не разглядывают, актерам дорог каждый зритель, а директор он или нет – не имеет ни малейшего значения.

...Павел изучал огромный, как посадочная полоса, письменный стол, за которым работал его предшественник. Весь день Мордвинов ходил по цехам и только сегодня попал наконец в кабинет директора. На столе находилось множество ненужных, на взгляд Павла, предметов вроде чернильницы и пресс-папье – и все малахитовое, позолоченное и черт еще знает какое. Сам стол тоже был весь резной, на толстых лапах не то с когтями, не то с завитушками внизу, покрытый зеленым сукном, с множеством разнокалиберных ящичков. В таком столе хорошо хранить письма от любовницы, счета из карточного клуба, отчеты подлеца-управляющего, закладные на поместье и прочие старорежимные документы... Новый директор даже выдвинул пару ящичков, надеясь найти что-нибудь этакое, перевязанное голубой ленточкой. Не нашел, конечно. А работать за таким столом было неудобно. «Надо будет поменять на что-нибудь попроще», – подумал Павел. А этот экспонат а-ля девятнадцатый век кому-нибудь подарить. Директору краеведческого музея, например. Зато нет ни компьютера, ни телефонов, ни вообще каких-либо признаков наличия современной техники. С собой это все Митрофанов забрал, что ли? Странно. Из всех благ цивилизации он обнаружил только переговорное устройство для связи с приемной. Вздохнув, Павел нажал на кнопку вызова секретарши. Она ему, кстати, очень понравилась – дама за пятьдесят, молчаливая и монументальная, одетая в строгий деловой костюм. У секретарши было такое выражение лица, что Павел сразу понял, что будет за ней, как за каменной стеной. Если, конечно, сможет найти с ней общий язык – то есть с секретаршей, конечно, а не со стеной.

Поэтому перемена, произошедшая с секретаршей с момента их последней встречи на пороге его кабинета, потрясла Павла до глубины души. На Варваре Петровне вместо делового костюма было надето переливающееся фиолетовое платье с рискованным декольте, в которое ручьем стекала, теряясь в глубине, толстая золотая цепочка.

– А... э... С чем связаны такие перемены, уважаемая Варвара Петровна?

– У нас сегодня открытие сезона, Павел Андреевич, – без улыбки сообщила секретарша. Павлу показалось, что она сердится.

– У нас? – удивился он. – Какого сезона? И почему я не в курсе?

Но Варвара Петровна шуток не понимала.

– В театре. Открытие сезона. Все там. А вы здесь. И я с вами, – пояснила она в телеграфном стиле, и в голосе ее явственно послышалась укоризна.

– Так я же не знал! – попытался оправдаться Павел.

– Вот приглашение, – сообщила Варвара Петровна, кивая на дальний левый край стола. – Я утром положила. Как вы пришли.

– Извините, не заметил, – покаялся Павел. – На этом столе вообще трудно что-либо обнаружить. Варвара Петровна, я вас прошу, завтра узнайте, можно ли в Екатеринбурге купить нормальную мебель вместо этого... антиквариата. Закажите на электронную почту каталоги, я посмотрю.

– В Екатеринбурге можно все, – ровным голосом сообщила секретарша. – Это тоже там заказывали. В единственном экземпляре. Из Италии везли, – и, помолчав, добавила с нажимом: – А приглашение – вот.

– Вы хотите пойти? – догадался наконец Павел. – Так бы сразу и сказали. Разумеется, идите. Только пригласите ко мне...

– Премьера у нас. Открытие сезона, – повторила ему, как дурачку, Варвара Петровна. Павел не понял, избегает ли она сложных предложений оттого, что у нее такая манера говорить, или оттого, что не уверена в его умственных способностях. – Все там. А вы здесь. И я с вами.

– То есть мы с вами тоже должны быть там? – въехал наконец Павел и едва удержался, чтобы не рассмеяться, такое скорбное выражение лица было у его секретарши. И добавил, подлаживаясь под ее манеру вести разговор: – Я же не знал, что так полагается, чтобы все там. А во сколько начало?

– Идет уже, – слегка оживилась Варвара Петровна. – Но тут недалеко, три минуты от проходной. Наш Дворец культуры.

– Так пойдете, – распорядился Павел, обходя стол, чтобы дотянуться до конверта с приглашением. – Нехорошо опаздывать.

Он был немало удивлен тем, как проворно умеет двигаться его монументальная спутница, когда они пулей пролетели по территории завода, выбежали из проходной и, выйдя на финишную прямую, почти вприпрыжку понеслись по заваленной коричневыми пожухлыми кленовыми листьями аллее, ведущей от проходной к Дворцу культуры. Должно быть, со стороны они выглядели просто замечательно. Аллея вдруг напомнила Павлу улицу Бассейную, и настроение немного улучшилось. Кроме того, трусившая впереди грузная секретарша выглядела очень комично. Но ему стало не до смеха, когда она, протаскив его по фойе, втолкнула в какую-то дверь, сообщив в качестве напутствия:

– Ваше место в первом ряду! Вон то!

– Я с краю сяду! Неудобно! – шепотом воспротивился было Павел, поняв, что она втолкнула его в зрительный зал прямо во время спектакля, причем он оказался возле самой сцены. Но, оглянувшись, обнаружил, что других свободных мест в зале не было. Варвара Петровна уже куда-то подевалась, и, чтобы не маячить в проходе перед сценой, пришлось, пригибаясь и извиняясь, пробраться на единственное незанятое место. Ему улыбались, с ним здоровались, сидевшие в первом ряду мужчины приподнимались, согнувшись, чтоб не мешать тем, кто во втором... в общем, это был кошмар. «Бенефис, мать вашу», – выругался про себя Павел, плюхнувшись наконец на свое место и вытирая вспотевший лоб.

На сцене пели и плясали, и ему пришлось сделать заинтересованный вид, хотя на самом деле он уже жалел, что поддался на провокацию чертовой Варвары Петровны. Отпустил бы ее в театр, а сам бы остался работать. Или пошел бы, в конце концов, к себе в коттедж, потому что приехал вчера поздно вечером, сразу лег спать, даже не разобрав чемодан, а в семь утра был уже на заводе. Вот и разобрал бы чемодан-то, чем слушать эту чепуху.

– *На улице моей который год звучат шаги, мои друзья уходят,* – пела-рассказывала на сцене пожилая актриса, зябко кутаясь в вязаную шаль.

Она стояла спиной к залу, глядя на большой экран, на котором появлялись, сменяя друг друга, старые фотографии – лица каких-то людей, мужчин и женщин, молодых и старых, очевидно, когда-то работавших в этом театре. Любовый прием, поморщился Павел. Поет про тех, кто ушел, – а вот вам и фото, пожалуйста. И непременно кутаться в шаль, как же иначе изобразить одиночество, печаль и незащищенность? Скучно... Но люди в зале, похоже, так не считали: они слушали, затаив дыхание, за его спиной висело плотное живое молчание, которое говорило о многом. Тогда Павел от скуки стал рассматривать лепное обрамление сцены: виноградные гроздья, пшеничные снопы, перевитые лентами, а наверху, разумеется, серп и молот – вот странно, что это все до сих пор не убрали.

Тут в зале неожиданно раздался смех, и Павел опять взглянул на сцену. Там стояла какая-то высокая мосластая тетка, встрепанная, в телогрейке, поверх которой были надеты оранже-

вый жилет дорожного рабочего и пестрый застиранный платок. Тетка была обута в шерстяные носки и растоптанные ботинки.

– *Стою!* – склочно сообщила тетка, глядя прямо на него.

Павел вытаращил глаза от удивления.

– *На полустаночке*, – сделав паузу, пояснила, кажется, ему лично тетка. И добавила, покрутив головой, как бы сама себе удивляясь: – *В цветастом полушалочке!*

Павел смотрел на это чудо в перьях, не отрывая глаз. Уж слишком она была неожиданная – после традиционного зябкого кутанья в шаль и набившего оскомину от частого употребления ромansa.

– *А мимо! Пролетают поезда!* – нагнетала обстановку тетка. В голосе ее звучал вызов, она требовала ответа, почему весенние года прошли, а поезда как пролетали мимо ее полустаночка, так и пролетают, и она вместе с ними пролетает, как фанера над Парижем. Тетка была смешная до слез, и зал хохотал. И жалкая. Поезд ушел, тетка осталась. А ведь была когда-то к труду привычная девчоночка фабричная, среди подруг скромна не по годам. Никто не подошел, видно, с ласкою, не догадался заглянуть в глазки-то... вот и пропал клад, так его никто и не видал. И жизнь, грохоча, как пустой товарняк, пролетела мимо.

Допев, тетка не то рассмеялась, не то всхлинула, залихватски махнула рукой и, гордо вскинув голову, удалилась за кулисы. Обрушились аплодисменты. Павел оглянулся: похоже, и в самом деле здесь собрался весь город: зал был огромным, да еще и с балконом, и весь битком набит людьми. Павел тоже стал хлопать, потому что тетка ему понравилась. Он вообще как-то «включился» и стал смотреть. И смеяться, и вслушиваться в слова, и любоваться ребятами и девчонками в платьях по моде шестидесятых, которые танцевали то буги-вуги, то твист, то вальс. Ему запомнился совсем еще юный мальчик, который так радостно признавался в любви к макаронам, что его капризная невеста, конечно же, не устояла и соблазнилась (может быть, потом ей будет плохо, но это ведь потом!). И удивительной красоты молодая женщина в длинном белом платье, которая пела романс «Белая акация» – при этом раскачивалась на качелях, будто летела в зал, а влюбленный мальчик бегал для нее за мороженым. Но потом какой-то хлыщ принес ей шампанское, а мальчик так и остался со своей тающей мороженкой... и, странно, это не показалось ему затертым приемом. А как самозабвенно голосили «*Ах, Самара-городок, беспокойная я!*» пять анекдотичного вида соседок по коммунальной кухне, аккомпанируя себе на кастрюлях – теперь уже Павел вместе с другими зрителями хохотал до упаду. Еще страннее показалось то, что он едва удержался, чтобы в финале не запеть в общем хоре свою любимую песню: «*И командиры все охрипли*, когда командовал людьми надежды маленький оркестрик...» Нет, петь не стал, удержался – несолидно, да и понимал, что все его рассматривают, почти не скрываясь, но притоптывал в такт.

Когда актеры откланялись, а зрители завалили их цветами (в основном, мелкими поздними хризантемами, еще уцелевшими на приусадебных участках, хотя были и породистые розы), на сцену поднялся мэр города, Геннадий Матвеевич Бондаренко. Невысокий, плотный и кругленький, как колобок, он чувствовал себя на сцене как дома. Водрузил на авансцене корзину с цветами (пошутил, мол, на всех, и сам посмеялся шутке), поцеловал ручки актрисам, с двумя актерами обменялся рукопожатиями. Вооружившись микрофоном, поздравил всех с началом нового сезона, выразил уверенность, что он будет таким же интересным, как предыдущий, а городские власти со своей стороны непременно... Ему дружно похлопали со сцены и из зала, дружно радуясь, что речь наконец закончилась и можно уже бежать в раздевалку. Павел тоже привстал было с места, но тут его ждала засада.

– Минуточку внимания! – остановил сорвавшихся с места торопыг мэр. – Пользуясь случаем, я хотел бы представить вам нового директора нашего металлургического завода. Он приехал только вчера, сегодня у него был первый рабочий день на заводе. И тот факт, что сегодня он пришел к нам на премьеру, согласитесь, говорит о многом!

Павел замер, как двоечник, намеревавшийся сбежать с урока, но застигнутый в дверях директором.

– Давайте поприветствуем его! – голосом шоумена призвал мэр, и зал отозвался неуверенными редкими хлопками.

«Идиот!» – едва не сказал вслух Павел. Но вместо этого, глупо улыбаясь, покивал на обе стороны – вроде раскланялся.

Аплодисменты стали дружнее. Павел, увидев знакомое лицо (с главным инженером он провел сегодня весь день, знакомясь с заводом), двинулся было к нему, чтобы вместе выбраться из зала. Но мэр, оказывается, еще не закончил.

– Пал Андреич, поднимайтесь к нам! – Мэр сделал округлый приглашающий жест и указал на место возле себя на сцене.

Павел отрицательно замахал руками и стал пробираться к выходу, но в дверях скопился народ. Пропускать его, похоже, никто не собирался, напротив, все, радушно улыбаясь, образовали небольшой коридорчик, по которому Павел дошел лишь до ступеней, ведущих из зала на сцену.

«Вот сволочь! – окончательно обозлился на затейника-мэра Павел. – Ну, я ему сейчас скажу пару ласковых за эту идиотскую постановку! Нашел клоуна...»

Но едва он поднялся на сцену, как тяжелый занавес, ошутимо толкнув его, вдруг поехал от кулис, отделяя людей в зрительном зале от тех, кто был рядом с ним на сцене. И как только обе половины занавеса сомкнулись, на сцене началось нечто невообразимое: все стали целоваться и обниматься, поздравлять друг друга, из-за кулис приходили все новые и новые люди, и в конце концов Павел стал опасаться, что сцена сейчас рухнет под их тяжестью. Вопреки его опасениям, на него никто не стал пялиться, как на выставленное в музее чучело, наоборот, здесь до него никому не было дела.

Чувствуя себя совершенно лишним на этом чужом празднике, Павел хотел было незаметно удалиться. Но ему опять не повезло. Под правую руку его подхватил мэр, под левую – как он понял, директор театра, энергичная дама бальзаковского возраста. Поскольку рук у директора завода было всего две, то прочим причастным к событию лицам пришлось удовлетвориться тем, что они совместно отконвоировали вновь прибывшего в ресторан, где уже были накрыты столы для фуршета. Павел, не раз бывавший в разных городах, где работали подразделения холдинга, попадал в самые разные ситуации, порой смешные, порой неловкие, но никогда его не брали в оборот так быстро и жестко, не давая вставить ни слова.

В конце концов поняв, что сопротивление бесполезно, он решил по возможности расслабиться и если уж не получить удовольствие, то хотя бы свести до минимума потери времени. Он слушал тосты, даже сам что-то говорил про спектакль, слушая себя со стороны и ужасаясь ахинеи, которую нес. К нему подходили все новые и новые незнакомые люди, представлялись, совали визитки, норовили произнести тост. С ним напропалую кокетничали дамы, невзирая на возраст и внешность. То ли от выпитого на голодный желудок, то ли от усталости (он провел весь день на ногах), у Павла начала кружиться голова, он почти не разбирал слов, а лица слились в один неузнаваемый круг. Он спешно придумывал вежливые, но непреклонные фразы, с которыми собирался вырваться из тесных объятий празднующих, но мысли путались, в голову ничего не приходило.

И тут наконец пришла помощь. Та самая актриса, которая пела романс, качаясь на качелях (Павел еще удивился ее совершенной красоте), подошла к нему и после пары дежурных фраз вдруг тихо предложила:

– Мне кажется, вы устали и едва стоите на ногах. Я уезжаю домой и могу вас подвезти. Вы же в гостевом доме живете?

Павел молча кивнул, опасаясь, что если их услышат, то номер не пройдет.

– Сейчас, одну минуточку... – проговорила красавица, чего-то ожидая.

В эту минуту одна из актрис затеяла какой-то заковыристый тост, который ужасно рассмешил всех окружающих – наверное, в нем был некий подтекст, понятный всем, кроме Павла. Среди смеха и гомона про него на минуту забыли. Красавица именно этого и ждала: схватила его за руку и потащила за собой. Павел, уже смирившийся с тем, что самые разные люди весь вечер водят его, как телка, на веревочке, пошел следом.

Без своей провожатой он непременно заблудился бы в лабиринтах огромного Дворца культуры, так что приходилось признать, что без нее побег был бы невозможен. Они вышли со служебного хода, девушка щелкнула брелоком сигнализации, и одна из стоявших на парковке машин приглашающе замигала.

От холодного ночного воздуха к Павлу отчасти вернулась ясность мысли, и он с интересом рассмотрел свою спасительницу. Как ни удивительно, но без грима она оказалась еще красивее: высокая, тонкая, с изящными и правильными чертами лица и гладкими длинными волосами шоколадного цвета («Как в рекламе шампуня», – глупо подумал он). Глаза тоже были... шоколадные. То есть карие, конечно, и ресницы длиннющие и вроде не накрашенные. У девушки были красивые ухоженные руки с длинными пальцами, которыми она спокойно и уверенно держала руль, и от нее едва уловимо пахло хорошими духами. «Ого, какие тут есть! – удивился Павел, небезосновательно считавший себя большим знатоком женской красоты. – Ну что ж, значит, скучно не будет», – резюмировал он и откинулся на спинку сиденья, не забывая при этом искоса следить за девушкой.

Когда машина плавно остановилась, Павел почти пожалел, что Надеждинск – город маленький и дорога заняла всего минут пять-семь. Странно, но девушка даже не пыталась с ним заговорить, поддержать беседу. Обычно хорошенькие девушки бывали с ним куда более любезны, особенно в провинции. «Наверно, я отвратительно выгляжу, – сделал вывод Павел. – Нетрезв, морда помятая, да еще и вел себя весь вечер, как кукла на ниточках, эта, как ее... марионетка. Во-от, простых слов вспомнить не могу, так что наверняка еще и чепухи наговорил».

– Ваш коттедж, – улыбнувшись, нарушила молчание девушка. – У нас тут все недалеко. Начнете сами ездить – убедитесь.

– Спасибо, что вы меня спасли! – запоздало поблагодарил Павел. – Я и в самом деле уже прикидывал, как бы мне оттуда...

– Да, без меня это было бы непросто, от нашего директора так просто не улизнешь, – серьезно подтвердила девушка, но глаза ее смеялись, и Павел окончательно решил, что новая командировка начинается все же неплохо.

– Мне очень понравилось, как вы пели сегодня, – решил он все же отработать обязательную программу. – У вас такой голос... красивый. И качели очень тоже... подходящие. Да.

На более осмысленный и изящный комплимент у него не было ни сил, ни слов, и он замолчал, чтоб не сказать еще какую-нибудь глупость.

– Я очень рада, что вам понравилось, – кивнула девушка. – Извините меня, пожалуйста, Павел Андреевич, но мне пора.

Павел понял, что его деликатно выставляют, и вышел наконец из машины. Девушка уехала. Павел постоял еще с минуту, рассматривая немаленький коттедж, в котором ему предстояло провести черт знает сколько времени. Дом выглядел неприветливо, свет горел только в одном окне первого этажа, да и то тусклый, нерадостный. Наверное, он сам и забыл выключить, уходя утром. На него вдруг навалилась усталость, накопившаяся за последние дни. Мордвинов открыл калитку и, шаркая ногами, как старик, побрел по выложенной плиткой дорожке к крыльцу. И только упав в кровать, вспомнил, что даже не спросил имени прекрасной незнакомки. Да, совсем плох стал, старик! Ну да ничего, они еще наверняка встретятся. А то, что прелестная Золушка, доставившая подвыпившего принца в собственной карете домой, оказалась так деликатна и ненавязчива, так это даже хорошо...

Разумеется, уход нового директора с вечеринки не остался незамеченным. Хотя Александра, надо отдать ей должное, выбрала для спасения Павла очень удачный момент, когда все были увлечены рассказом Марианны Сергеевны о том, как ее супруг вместе с мэром ходили на рыбалку, забыв дома удочки, но вернулись с рыбой (после чего последовал тост: из любого сложного положения можно найти выход, было бы желание). Обнаружив внезапное исчезновение директора, да еще и вместе с самой красивой актрисой, прочее начальство вскоре тоже потянулось к выходу, строя различные версии по поводу парочки (степень игривости предположений напрямую зависела от количества выпитого). И когда Саша, благоразумно посидев в машине четверть часа наконец вернулась, за изрядно опустевшими столами остались уже только свои: актеры, оркестранты, другие работники театра.

– Ну, ты даешь, Александра! – закричала, завидев ее, Ирка Лаврова. – Мы только собрались подойти познакомиться, когда еще случай подвернется, а ты его – хвать! – и утащила! Не по-товарищески!

– Ира, тебе своих мужиков мало? – остановила ее Долинина. – Пусть девочка пользуется, раз бог дал такую внешность. Не пропадать же добру.

– Ну что вы сочиняете? – усмехнулась Саша, садясь за столик к матери и Тарасовой. Она отвечала не Ирке (что с ней связываться?), а Долининой, комплименты которой всегда были с неприятным подтекстом. – Он попросил проводить до выхода, сказал, что устал. Я подвезла его до коттеджа. Все равно шоферов все уже отпустили, не пешком же ему было идти.

– Ну и как ему спектакль? – махнув рукой на хохотавшую Ирку, спросила Лариса. – Понравился?

– Да мы не разговаривали ни о чем, – честно сказала Саша. – Он правда очень устал, да еще и выпил... еле языком ворочал.

– Не повезло... – ехидно посочувствовала Ирка.

– Ирина, уймись! – на этот раз вступилась за дочь Марианна Сергеевна. – Завидовать надо молча.

– Девочки, девочки, не ссорьтесь! – перебил ее Дружинин. – Давайте выпьем за Юлю, она такое дело сделала!

– Я же не одна, – смутилась Юля.

– Одна! – вдруг жестко сказала Тарасова, вроде бы и не прислушивавшаяся к перепалке, Ирка вечно их затевала, а Долинина охотно поддерживала. – Режиссер, он всегда один и за все отвечает один. Особенно за провал, потому что успех с ним всегда готовы разделить, а провал – нет.

– Но это же и правда успех! Замечательный получился спектакль! А ведь она, можно сказать, легла на амбразуру после ухода Виктора. Давайте выпьем за Юлю! – как всегда, поддержала мужа Дружинина. – Юлечка, лиха беда начало, удачи тебе, девочка!

– Юра, не пей, пожалуйста, много, – тихо попросила Юля, когда пару минут спустя к ней подошел Батраков с рюмкой в руках – он уже нетвердо стоял на ногах, и глаза его блестели.

– Не волнуйся, я меру знаю! – гордо сообщил ее бывший муж и, повернувшись ко всем, неожиданно громко потребовал: – Минуточку внимания!

Все смолкли, зная, что когда тихоня Батраков выпивает свою «меру», он становится громкоголос и настойчив и возражать ему бесполезно.

– Я хочу сказать, вот прямо при всех, что Юля – очень талантливый человек и очень красивая женщина. Витя, сволочь, уехал, сбежал... Но она и без него справилась! – Батраков говорил все громче и громче. – Она хорошая актриса и обязательно станет знаменитым режиссером, вы еще увидите, я знаю, что говорю...

– О, опять понесло, – проворчала Долинина, которая терпеть не могла пьяных. – Домой тебе не пора, Юра?

– Что? А... да. Я пойду. Конечно, – покладисто забормотал Юрий, но вдруг вспомнил, что хотел сказать, и опять повысил голос: – Я вот хочу при всех, потому что я тебя, Юлечка, больше всех на свете люблю...

Он извлек из кармана коробочку, явно купленную в ювелирном магазине. Юля, которая до того лишь терпеливо переждала, когда ее бывший муж, а последние два года просто коллега, закончит свою пламенную речь и оставит ее в покое, насторожилась. Она прекрасно знала, что Юрка живет от одной невеликой зарплаты до другой и ему уже давно никто не дает взаймы, потому что он и это тут же непременно пропьет, а возвращать ему не из чего.

Недоумевая и ожидая какого-нибудь подвоха, она открыла коробочку. Воцарилась тишина, все, вытянув шеи, повернулись к Юле и Юрию. На белом атласе лежал изящный серебряный браслет с камнями густо-вишневого цвета. Камни были разного размера – одни с горошину, другие с рисовое зернышко – и не сверкали, а, наоборот, казалось, поглощали свет и тускло, будто нехотя, мерцали. Юля ничего не понимала ни в браслетах, ни в камнях, потому как, кроме золотой цепочки и пары колечек, других драгоценностей не имела, но ей отчего-то сразу стало понятно, что это вещь дорогая.

– Юра, откуда? – потрясенно пробормотала она. – Ведь у тебя же...

Все вокруг молчали, вполне разделяя ее удивление.

– Это неважно! – гордо произнес Батраков, вкладывая Юле в руку коробочку. – У тебя сегодня праздник, а это тебе подарок. От меня. Он всегда будет напоминать тебе обо мне. И о чувствах...

И тут вдруг Юля перестала его слышать. Какой-то другой голос, незнакомый, проговорил торопливо, и страстно, и нежно: *«Возможно, мы не увидимся с вами более... Примите эту безделушку, браслет будет напоминать вам обо мне и о тех чувствах, которые мы когда-то питали друг к другу. Прощайте. Ваш покорный слуга...»* Потом что-то ответил женский голос, уже смутно знакомый, с непонимающей и испуганной интонацией, но слов Юля не разобрала, как ни прислушивалась.

– Юра... спасибо тебе огромное, – пробормотала она, не прикасаясь к браслету, и поймала себя на том, что интонации у нее те же самые, что и у только что умолкшей женщины, чьих слов никто, кроме нее, не слышал. – Но я не могу взять.

– Почему-у? – чуть покачиваясь, произнес Юра. – Я же тебе его подарил. Чтобы ты носила. И была... счастлива, да! И вот еще знаешь что? Я при всех говорю – пить брошу! Прямо с завтрашнего дня. Чтобы ты...

– Где ты его взял? Он же наверняка стоит очень дорого, – недослушав, тихо спросила Юля. К браслету она по-прежнему не притронулась. Ни ей, ни Юрию и в голову не пришло, что они выясняют такие вещи при посторонних, потому что на самом деле все давно уже были своими, близкими, даже более родными, чем настоящая родня.

– Ну, не купил, правильно, – хитро улыбаясь, согласился Юрий.

– Но ты же не... Юра?! – На этот раз в ее голосе отчетливо прозвучал ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.